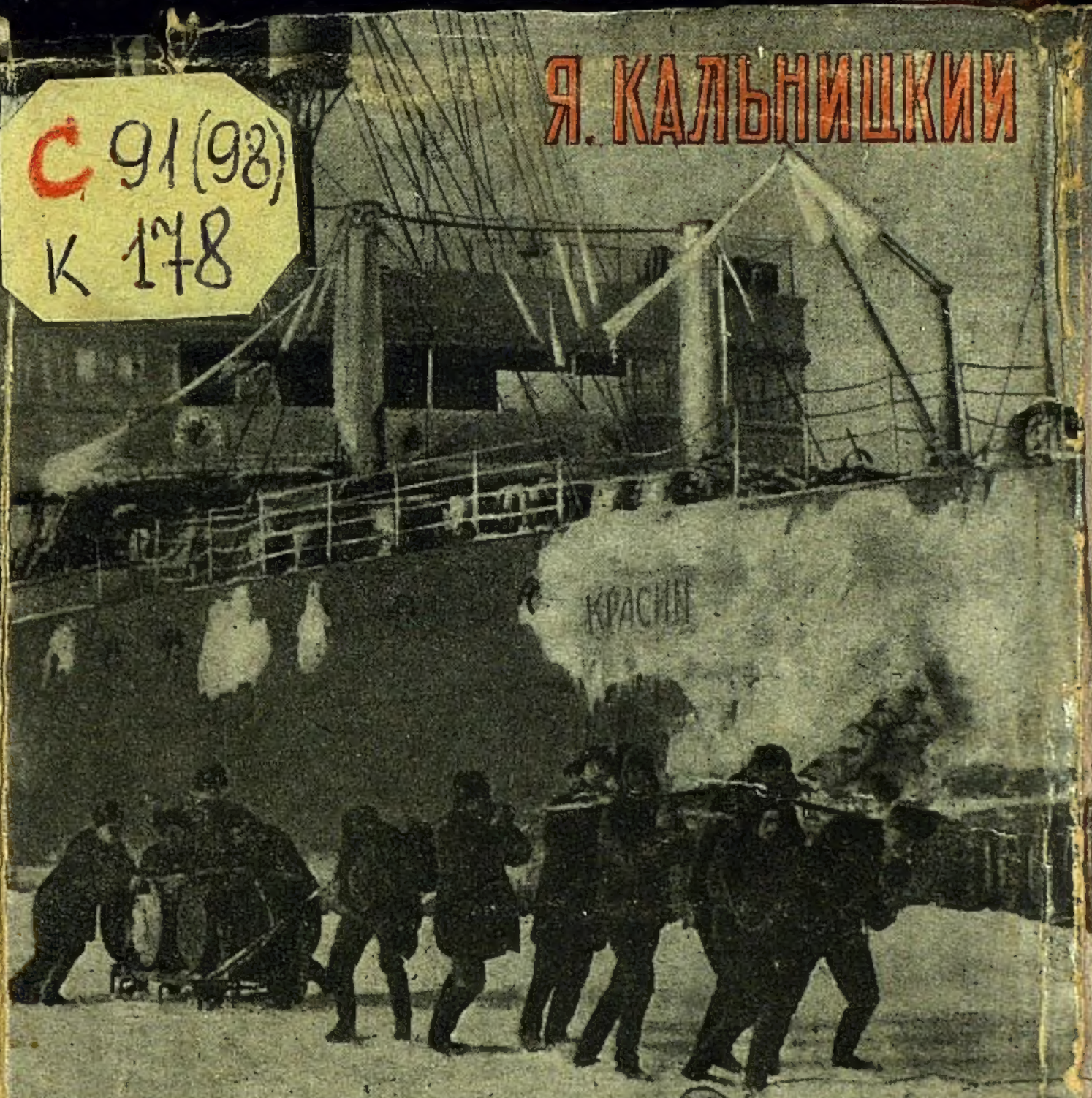
С 91(98)
К 178

Я. КАЛЬНИЦКИЙ



ОГНИ В АРКТИКЕ

100423

С 91(98) 100423
К178 Кальницкий, Я.
Огни в Арктике
1р.50коп.

а.

ера
ски
юбова

С 91(98)
К 178

Я. КАЛЬНИЦКИЙ

ОГНИ В АРКТИКЕ

Рассказ о первом в истории зимнем походе „Красина" к „Мысу желания"

1001923.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Кабинет Севера.

1966 г.

ДЕРЖАВНЕ ЛІТЕРАТУРНЕ ВИДАВНИЦТВО
1935

7126к

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

91(98)

Родактор *Е. Прокуди*
Литредактор *Д. Батуров*
Художник *П. Мартынюк*
Технорук *С. Белоконь*
Коректор *П. Бронштейн*

7126к

Героической команде
„Красина“

Автор

1995

2002

0105

2010

Jaar

1

НА ПОМОЩЬ

„Ямал“ с трудом пробился в Маточкин Шар. Из обоих морей — Баренцова и Карского — в пролив ползли льды. Капитан приказал выбросить грузы, поднять на борт сезонников и затем скомандовал :

— Выбрать якорь!

Ледокол должен был снабдить четыре становища северной части Новой Земли. Но выше Матшара он подняться не мог из-за льдов и в ноябре вернулся в Архангельск, не выполнив задачи.

В декабре из Архангельска вышли к Новой Земле ледокол „Таймыр“ и сильный мотобот

„Ленсовет". Они бились во льду больше месяца и также вернулись ни с чем.

Ледоколу „Русанову" не удалось вырваться даже из Архангельского порта.

В то время с Новой Земли на радиоволнах неслись тревожные вести.

— Северные становища не обеспечены противоцынготными средствами. В Русской гавани зимуют сезонники, не подготовленные, не снабженные ...

. . . . . .

Сумеречные, холодные берега Новой Земли населены мертвецами. Едва ли не на каждом километре — сгнивший крест. Кто лежит под крестом, когда сложил здесь свои кости, какая трагедия разыгралась на этом месте?... Чаще всего — это тайны истории.

Знаменитый голландский мореплаватель Баренц, именем которого названо наше Мурманское море, погребен вблизи мыса Желания на мысе Ледяном. Штурман известной экспедиции Пахтусова, впервые исследовавший южную часть Новой Земли, Чиракин и с ним десять человек команды,— лежат под крестами в Ма-

точкином Шаре. Кресты Георгия Седова также напоминают о его трагической смерти на не таком уже далеком Франце-Иосифе.

Сквозь туман XIX века тянутся кресты в еще более туманные дали XVIII, XVII, XVI и даже XV веков. Однако, не все кресты стоят над могилами. Многие поставлены религиозными поморами в знак „горячей благодарности“ своему „господу-богу“ за то, что мало мучил. И чем ближе к нашим дням, тем меньше на Новой Земле крестов. Наука вооружила человека против цынги; техника вооружила против льдов. В наши дни Новая Земля имеет постоянное население — триста человек на сто тысяч квадратных километров, а случайные зимовки — теперь редкость.

Интересы Советского Союза в Арктике огромны. Больше десяти тысяч километров нашей границы омываются полярными морями. Все проходы Великого северного морского пути из Атлантического океана в Великий, между Европой, Азией и Америкой, лежат в наших водах, у наших берегов.

Этим путем ходили промышленники еще в

XVI и XVII веках. На своих трухлявых суденышках они умудрялись обманывать ветры, обходить льды, и из исторических данных ясно видно, что путь из Холмогор в устья Оби и Енисея был известен русским поморам давно, точно так, как сибирским промышленникам был известен путь к Берингову проливу и даже дальше.

Известный английский географ середины XVI века Себестиан Кабот был, например, убежден, что существует северо-восточный проход которым можно пройти из Англии прямо к берегам Китая и Индии. Английский торговый и еще только зарождавшийся в ту пору промышленный капитал, в поисках приложения, ухватился за идею Кабота. Группа лондонских капиталистов снарядила экспедицию на трех судах: „Бона-Эсперанца" — 120 тонн, „Эдвард Бонавентура" — 160 тонн и „Бона-Конфиденция" — на 90 тонн. 11 мая 1553 года эскадра покинула Лондон. Суда эти были разъединены штормом еще у берегов Норвегии. Начальник экспедиции Гуч Виллоугби на своем корабле „Бона-Эсперанца" все же упорно двигался на

восток и на северо-восток. 14 августа того же года корабль вошел в битый лед, за которым на востоке экспедиция увидела землю, очевидно, южную часть Новой Земли. Войти в какой-нибудь из трех проливов экспедиции однако не удалось. А во время зимовки у русских берегов Виллоугби погиб от цынги вместе со всеми шестьюдесятью пятью человеками своей команды. В то время капитан Ченслер, командовавший „Эдвардом Бонавентурой", попал в Белое море и „открыл" селение Холмогоры. Узнав, что перед ним один из русских посадов, Ченслер вместо дальнейших поисков Северного морского пути отправился по воде и на лошадях в Москву.

Царь Иоанн Грозный принял отважного английского путешественника и даровал торговой компании, снарядившей экспедицию Виллоугби, монопольное право торговли на русском севере.

Компания была переименована в „Московскую торговую компанию" и существовала свыше трехсот лет,— нечто вроде ряда купеческих династий.

Петр I, протектор русской торговли и промышленности, отменил привилегии англичанам, а при Екатерине зарождавшийся русский капитализм сам уже искал пути в Азию, что вызвало войну с турками — Крымские походы и проч.

Английский флот пришел на помощь английскому капиталу, и сначала XIX века английские военные корабли то и дело блокируют русские берега. Древний город Кола был сожжен англичанами — первый раз в 1809 году, второй раз, уже во время Крымской кампании,— в 1854 году.

. . . . . .

В 1932 году советский ледокол „Сибиряков", управляемый опытным полярником, капитаном Ворониным, провел полярную экспедицию профессора Отто Юльевича Шмидта — из Архангельска в Японию. Весь рейс, впервые в истории, был совершен в один навигационный сезон. Состав экспедиции и экипаж Сибирякова за этот поход награждены ЦИК'ом СССР персональными орденами Красного трудового знамени.

В начале 1933 года краснознаменному ледоколу „Красин" была предложена не менее трудная задача: отправиться на Новую Землю в самое трудное (в ледовом отношении) время, доснабдить зимовщиков и вывезти застрявших на острове сезонников.

Новая Земля является естественным барьером между Баренцовым и Карским морями. Климат Карского моря значительно жестче режима Баренцова моря, смягчаемого теплым течением Гольфштрема. Узкий горный барьер Новой Земли, достигающий в самом широком месте ста сорока километров, является естественной ареной борьбы ветров. Ущелья гор превращаются как бы в магистрали ветров, дующих с огромной силой.

„Красин" вышел из Ленинграда в Мурманск 18 февраля. Из Москвы вдогонку отправились два самолета: мощный трехмоторный „ЮГЕ" с размахом крыльев в двадцать два метра и маленький двухместный „У2". Первый вел известный полярный летчик, краснознаменец, Б. Г. Чухновский, на втором летел молодой, но опытный полярник М. И. Козлов.

Синие пятна лесов, квадратики, кубики построек, соломинки телеграфных столбов мелькают на снежной плоскости, как на сверкающем экране.

Черная ниточка железнодорожного полотна извивается между горизонтами.

Луна покачивается над Невой, над льдом Финского залива.

Сверху „Красин“ кажется паровым утюгом, разглаживающим мокрую простыню. „ЮГЕ“ скользит на крыле, снижается и рулит к борту. Через минуту его догоняет „У2“.

У летчиков багровые лица с синими носами, негнущиеся пальцы и негнущиеся ноги. С трудом взбираются они на борт.

Плавание начинается рейсом вокруг Скандинавии.

Широко раскачиваясь, „Красин“ проходит мимо берегов Финляндии, Швеции, Дании, Норвегии. Он не заходит в порты; это связано с расходом валюты. В прекрасных и предательских норвежских шхерах, где без проводника не обойтись, ледокол принимает лоцмана в открытом море.

В знак уважения к бережливости капитана старый моряк упросил его принять пачку норвежского табака. Спускаясь в свой лоцманский бот, он крикнул на прощанье:

— Счастливого плавания! Не будь я моряком, если вы не взломаете зимний лед!

2

ПОЛЯРНЫЙ ГОРОД МУРМАНСК

Уж и где, братцы, будем день дневать,
Ночи коротать?
Будем день дневать во чистом поле,
Ночи коротать во сыром бору,
Во темном лесу под сосною,
Под кудрявою, под жаравою.
Нам постелюшка мать сыра-земля,
Изголовьице зло-кореньице,
Одеялышко — снеги белые,
Обмываньице — частой дождичек,
Утираньице — шолкова трава.
Родной батюшко наш — светел месяц,
Красно солнышко — родна матушка,
Заря белая — молода жена.

Воют на селе бабы, воет ветер, подвывают собаки. Поземка кружит на улицах, душит за селом. Гуляют рыбаки-покрутчики. Частует хозяин вином.

Пропив хозяйские целковики, рыбаки кричат на жен:

— Цыть, дуры! Угомону на вас нет! Словно по покойнику воете. На счастье с рогатиной идем. Счастью брюхо вспорем — домой с достатком вернемся.

Но редко возвращались с достатком. Многие пропадали без вести — под снегами, подо льдами, в холодном полярном море.

Пурга ждет в тундре, караулит меж гор. Еще март нежится в снеговой постели, зима еще хозяйничает, а рыбаки-покрутчики тянутся по снежной пустыне на промысел, к далекому океану. Они волокут на санях все свое нехитрое снаряжение. И когда вырвется из разлога ветер, запляшут снеговые вихри и мир утонет в снегу, они составят сани вверх копыльями, умостятся тесней под ними и будут ждать, пока ветер не завалит их снежным покровом.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

109 93

Холодно и душно, мокро лежать. Всю жизнь отдать бы за час сна! Но опытный кормщик, ведущий партию, кричит, и голос его точно из-под земли выбивается:

— Не спи, братцы! Не спи, родные! Береги себя ото сна последнего. Дыши жарче, если дышать хочешь... Вытерпим, опять промышлять пойдем.

Всю жизнь воевали они со счастьем. Всю жизнь подстерегали его с рогатиной в руках. И всю жизнь... не имели вдоволь хлеба для ребят своих.

Весной они оживляли Кильдинскую салму, Иокангские затоны, Орловецкую бухту, Гавриловскую губу... Откапывали в снегу прошлогодние землянки, раздували чадные огни и принимались за ранний, удебный промысел.

Триста метров прочного норвежского шпагата с крюком-блесной на конце, с грузилом в килограмм веса—вот и вся весенняя снасть.

Поддергивает рыбак леску, поддергивает терпеливо и упорно; блесна сверкает заманчиво и привлекательно где-то глубоко у дна; треска играет с ней, как с резвой товаркой,

и напарывается то хвостом, то головой, то брюшком.

Летом, когда открывается горло Белого моря, жалует на двухмачтовой ладье хозяин. Он выкатывает боченок хлебного вина и за мокрые, собачьи свои будни рыбаки напиваются до одурения. Покончив с хозяйскими привальными, они пропивают заработанные паи. Потом, до глубокой осени, расстилают по морскому дну двенадцатикилометровые ярусы, наживленные тысячами мойвок и песчанок, и до изнеможения тянут и оббирают с них рыбу. А в результате—остаются неоплатными должниками хозяина.

Вся артель — четыре человека — получает одну треть, хозяин за снаряжение артели получает две трети улова. Все полученное в кредит оплачивается при дуване-расчете немедленно.

Тягучая, неприютная зима проходит в непрестанных выпрашиваниях у хозяина в долг. А в марте снова:

— Цыть, дуры! Воете, как по покойнику. На счастье с рогатиной идем...

Наиболее смелые и независимые сколачивали артели и самостоятельно шли к берегам Новой Земли на богатый звериный промысел. Это над их могилами чернеют теперь полусгнившие кресты.

До революции были разговоры о постройке незамерзающего порта в Баренцовом море. Кола — единственный город в незамерзающем заливе — прозябает вдалеке от моря, от промысла. Если бы морской порт был поближе к морю, и промысел и торговля ожили бы.

Но это не входило в планы местных купцов — хозяев и владельцев факторий. „Этак, чего доброго, рыбак найдет себе иные занятия и выйдет еще из кабалы. Этак, того и гляди, все благосостояние ухнет“...

В конце XIX века ездили на Мурман питерские комиссии, представляли варианты постройки незамерзающего порта: называли и остров Кильдин, и Екатеринскую губу, где теперь становище Полярное (бывший порт Александровск), — но дело не двигалось.

И только в 1899 году приступили, наконец,

к постройке порта Александровск. Перевели туда только что построенную на Соловецких островах северную биологическую станцию, существующую и поныне, возвели ряд домов, поставили отметины по фарватеру и стали ждать результатов.

Но Александровск умер естественной смертью, не сыграв никакой роли в экономике края.

Порт оказался открытым для восточных ветров, это делало стоянку в нем опасной, к тому же — он был удален и от моря и от внутренних становищ залива.

Приблизительно к тому же времени относятся первые попытки промышленного капитала освоить геологические богатства полярных островов, в частности Новой Земли, на которой находили свинцовую руду со следами серебра, уголь, сланцы...

Корабль, снаряженный группой московских и архангельских купцов, так и не вышел из Архангельска.

Было, де, неизвестно какому же губернатору подчиняется остров — архангельскому или то-

больскому „Поезжайте в Тобольск...“ А на это нужен был... год.

Так и оставался край, зажатый в купеческий кулак, больной и хилый, населенный сильным, но нищим населением.

На том месте, где сейчас гремит советский Мурманск, еще в феврале 1915 года были пустынные скалы, горбившиеся на террасах холма, переходящего в тундру. Хилая трава, жидкий кустарник.

Четыреста лет тому назад на этом холме пас оленей лопарь Семен Рожный. Место получило сначала название „Семеновское“, впоследствии —„Семеновское - Давнишнее“.

Во время мировой империалистической войны царская Россия оказалась изолированной от своих союзников.

Балтийское море — в руках Германии, Черное — закрыто Турцией, Владивосток далек,— невольно взоры обратились к полярному морю.

Кольский залив не замерзает, круглый год доступен для судов с большим тоннажем... Решили строить железную дорогу из Петербурга к берегу незамерзающего моря. Начали искать

место для порта, одновременно разведывали трассу железнодорожной линии.

Первая изыскательная партия инженера-практика Викентьева появилась в Семеновском-Давнишнем в феврале 1915 года. Партия эта положила начало теперешнему мощному Мурманскому порту.

В апреле 1915 года будущий город получил первых двух жителей. Два финна-плотника приспособили под жилье валявшуюся на берегу ветхую барку: вырезали в бортах окна, прорезали дверь, настлали пол, — устроились солидно, по-хозяйски.

В мае вокруг Скандинавии пошли русские пароходы с тамбовцами, пензенцами. В трюмах были первые партии строительного леса, оборудование ...

Началась постройка восьми бараков. В июне прибыли партии китайцев, обманным образом вывезенных с родины царскими чиновниками, и первые военнопленные. Строился новый город и одновременно прокладывалась в болотистой, лесистой тундре железная дорога. 4 октября 1916 года новый город был

внесен в списки городов Российской империи под названием „Романов на Мурмане". Город кропили святой водой, освящали молебнами. В тот день заложили первый камень и доску в фундамент будущего, так и непостроенного собора.

Эта доска, камень, серебряные монеты и кусочки гнилых мощей случайно были откопаны в 1929 году при работах на строительстве дворца культуры.

16 ноября 1916 года по новой дороге пошел первый поезд. Синие вагоны - микст, увозившие высокую комиссию по приемке дороги, мягко покачивались на костях строителей — китайских кули и военнопленных австро - германцев. Дорога строилась в неимоверно - тяжелых условиях. Первый изыскатель — инженер Викентьев стал жертвой этой стройки. Под каждой шпалой лежит оскаленный череп китайца, немца, австрийца, русского, ненца-самоеда или лопаря.

Гнус живьем ел людей. Добивала лихорадка. От болезней, холода и недоедания люди умирали тысячами.

Февраль 1917 года докатился до нового города в апреле. Население восстало против царизма и свергло царскую власть. Город переименовали в Мурманск. Октябрьский переворот прошел без потрясений.

Но летом 1918 года, как было в 1809 и в 1854 годах, в Кольский залив всшла союзная эскадра. Наемники капиталистов уничтожали советы, вешали и расстреливали большевиков. Организованная ими белогвардейщина пыталась даже наступать на юг. Иокангские застенки до сих пор не забыты мурманским пролетариатом.

Но мурманцы не хотели возвращаться к покруту, не хотели итти снова в рабство. После трудной и длительной партизанской войны, 21 февраля 1919 года белогвардейцы были сброшены в море. „Его превосходительство“ генерал Евгений Людвиг Миллер бежал за границу на ледоколе „Минин“. Пролетариат показал, что времена сожжения Колы прошли безвозвратно.

И Мурманск вступил в полосу социалистического развития.

В августе	. 1920	года	в	нем	было	2 487 жителей
В марте	. 1923	„	„	„	„	5 113 „
В декабре	. 1924	„	„	„	„	6 232 „
В декабре	. 1926	„	„	„	„	8 777 „
В ноябре	. 1928	„	„	„	„	11 439 „
В январе	. 1930	„	„	„	„	13 700 „
В марте	. 1931	„	„	„	„	32 020 „
В январе	. 1932	„	„	„	„	37 214 „
В феврале	. 1933	„	„	„	„	58 000 „

К первому мая 1933 года число жителей, по неполным данным, возросло до шестидесяти трех тысяч человек.

Быстрому росту города и его населения способствовало, главным образом, плановое развитие экономики края.

Первая пятилетка дала увеличение продукции города в четыре раза и в 1932 году стоимость ее оценивалась в 45 миллионов рублей.

Удвоение населения за последние два с половиной года вызвано огромным ростом рыбной промышленности города на основе коллективизации рыбачьих хозяйств округа. За один сезон 1932 — 1933 года мурманские колхозники, кроме трески, палтуса и пикши, выловили 25000 тонн сельди. Сельдь никогда здесь не

ловилась в промышленных количествах. Ее не всегда хватало на наживку.

Заработок честного колхозника в среднем по 1932 году колебался между 400 и 1200 рублей в месяц.

Колхозники получают снабжение по твердым ценам, по твердым же ценам колхозы сдают государству и улов.

В свете этих фактов неудивительно, если колхозник териберской артели „Красная армия" — Сергей Ефимов — пишет такое письмо своему товарищу Саватею Ефремову:

„Саватей Самойлович! — пишет Сергей Ефимов.

Мы с тобой много лет прожили с крыльца на крыльцо и хорошо знаем друг друга. Невесело протекала наша жизнь. Мы бродили с одного места на другое, от одного хозяина к другому, все искали выгодной службы, справедливой оплаты труда, все хотели найти и не могли найти хорошей жизни.

У нас была сходная жизнь, Саватей Самойлович.

Мы с тобой одинаково побывали в своей

жизни на трех ступеньках: первая ступенька — было у нас нищенство, вторая ступенька — было батрачество и третья ступенька—была неприглядная жизнь бедняка.

Это случилось 22 февраля 1930 года. Мы вместе сидели в этот день на собрании, на одной из передних скамеек в избе-читальне. Рабочий механических мастерских товарищ Хазанович рассказал нам о движении всего трудового крестьянства Советского Союза в колхозы, обрисовал выгоды колхоза и предложил организовать в становище рыболовецкую артель.

Ты сказал:

— У меня свое собственное хозяйство. Я могу жить самостоятельно. Зачем мне итти в колхоз? Нет, я не пойду в колхоз. Ничего путного из этой затеи не выйдет. Через месяц-два артель развалится, и колхозники окажутся у разбитого корыта...

Я сказал:

— Колхоз — дело хорошее. Нам, беднякам, никогда не добиться хорошей жизни в одиночку.

Давай посмотрим теперь, Саватей Самой-

лович, кто из нас был прав, и кто ошибся. Давай сравним: у кого больше заработка, у кого крепче хозяйство, у кого лучше жизнь?

Бывало, что и хлеба не на что было купить. Ребятишки ходили босиком и только по праздникам и в школу — в бахилах. Самому мне не раз приходилось ехать на промысел, за неимением бахил, в валенках. Промысловой одежды почти совсем не было. Одежду носили, пока на плечах держалась. Обувь носили, пока с ног не валилась. Теперь каждый из семьи имеет ботинки, сапоги, валенки, промысловую одежду. Белья у семьи стало втрое больше. Я и сын Егор имеем по костюму. Дочь Клавдия имеет пальто. Завели самовар, часы, зеркало, громкоговоритель, кровать и швейную машину. Имеем три овцы. Будем заводить в этом году козу.

Мой сын Егор до колхоза не имел никакой специальности. Теперь он работает мотористом колхозной ёлы „Полярка“. Моя дочь Клавдия выдвинута недавно в помощники бригадира мойвеной бригады. Моего младшего

сына приняли в ясли, и жена может работать в подсобной бригаде.

А чего достиг в это время ты? Может быть, ты теперь больше стал зарабатывать? — Нет! Может быть, ты построил себе новую избу? — Нет! Ты живешь в той же старенькой, покривившейся избушке, разница только в том, что она за эти годы покривилась еще больше. Может быть, у тебя стало больше белья, одежды, обуви, домашнего обзаведения?—Нет! Выходит, ошибался ты, когда думал, что сумеешь найти хорошую жизнь самостоятельно, работая в одиночку.

Говорят про дисциплину, пугают... Да, у нас есть дисциплина! Да, мы без пощады относимся к лодырям, прогульщикам и тунеядцам! Да, нам не легко дается выполнение плана путины! Да, у нас есть требовательность, но есть и товарищеская взаимопомощь.

— Я обращаюсь ко всем колхозникам: каждый из нас может стать зажиточным, как стал я. Только крепко помните и выполняйте то, что сказал наш великий учитель товарищ Сталин: „Работайте честно, добросовестно, берегите

колхозное добро". Мы можем смело сказать, что выполняем лозунг товарища Сталина: сделать каждого колхозника зажиточным.

Прав был я, Саватей Самойлович! Только в колхозе я стал жить в полном достатке".

* * *

7 марта 1933 года „Красин" подал концы в Мурманском порту.

На горе в стандартном, деревянном двухэтажном доме Севморзверпрома поднялся неистовый лай. Он вторил низкому реву, летевшему от порта.

Сергей Прокофьевич Журавлев торопливо приколол к груди орден Красного трудового знамени, полученный за подвиги в Арктике, подтянул голенища пимов и поспешил во двор. Здесь его брат — Иван Журавлев, красавец, здоровяк, его друзья — Кузнецов, геркулес, и маленький Колосов, с остроносым, подобранным сетью морщин и обветренным лицом могикана или сиукса, запрягали в сани собак. Собачья партия экспедиции демонстрировала полную боевую готовность.

Среди собак попадались дворняги, нечистокровные сеттера, и даже громадный, коротко-шерстный немецкий дог „Лорд“ каким-то образом попал в запряжку. Основное ядро собачьего отряда составляли семнадцать мохнатых, добрых псов, выращенных Г. А. Ушаковым на далеких островах Северной Земли.

Полярные псы сознавали свое положение: ведя себя в высшей степени корректно, они не якшались, однако, с случайными товарищами. Сквозь копны волос, украшавших их морды, поблескивали зеленые глаза. Это их обязанность вести упряжки, выравнивать темпы, тянуть отстающих. Ударная, ведущая бригада передовиков. Начальник собачьей партии — Сергей Прокофьевич Журавлев — больше всего надеялся на этих семнадцать работяг.

Мурманск явно терял свои отличительные черты.

Люди в полярном одеянии встречались реже, нежели в Москве или Ленинграде. Если и попадался кто-нибудь в полярной малице, то на ногах у него были обыкновенные сапоги, а на голове кепи. Если встречался кто-нибудь

в пимах, то уж обязательно и в галошах „Треугольник“, а то и в пальто „Ленодежды“.

Неотъемлемая принадлежность полярного фольклора — оленьи упряжки — за всю зиму только один - два раза показались в Мурманске.

В клубах дыма грохочет порт. Десятки иностранных и советских пароходов, дальнего и каботажного плавания, день и ночь выбрасывают на портовые пути многотонные ящики с импортным оборудованием.

Пловучие и рельсовые краны, пароходные стрелы, лебедки и брашпили тычут хоботами, скрипят блоками, тянут троссами. Над высокими бортами, над трубами покачиваются ящики, чугунные станины, вагоны рельсовых подъемников.

На ящиках надписи: „Московской механической бойне“, „Уралмашстрою“, „Строительству N - й электростанции“ ... Рядом с надписями на русском языке выведены немецкие, английские.

Где - нибудь в степях Казакстана, в ущельях Кавказа, на Уральских горах эти детали найдут творческое оформление. Сейчас — они только груз, требующий срочной отправки, груз тру-

доемкий и потому в бедном рабочими руками порту — неприятный.

Бригады грузчиков на оттяжках, придающих вертикальным троссам форму треугольников, спускают ношу кранов и стрел прямо на открытые платформы.

Грузы заполняют всю многокилометровую площадь порта. В еще недостроенных пакгаузах — не пройти. Свистят паровозы, катятся взад и вперед вагоны, фыркают десятки грузовиков. Порт, строившийся для приема разрушающих орудий, снарядов и газов, — сегодня служит строительству первого в мире социалистического общества.

Выполняя плавфинплан, пароходы настойчивым ревом требуют места у причала. Иностранцы, застрахованные от потерь неустойкой, не прочь постоять лишнюю пару деньков. Ведь не так легко им найти выгодный фрахт! Но это учитывают и работники порта. Как ни надрываются сирены советских пароходов, портовики стремятся раньше всего сплавить иностранцев.

С каждым днем число иностранных пароходов

в порту уменьшается. Наши молодые „Смольный“,„Горький“, „Свердлов“, вместе с десятками других, только-что спущенных советских пароходов, освобождают нас от иностранного тоннажа.

И все чаще иностранцы приходят не как извозчики, а как покупатели. Грохот апатита в металлических трюмах звучит в порту как дробь победных барабанов.

Всего три года тому назад на том месте, где сейчас расположен среди гор новый город Хибиногорск, была глухая пустыня. Никто не жил в этой глуши, годами никто не заглядывал сюда. Но вот появляются первые герои — ученые, большевики-рабочие и возникает мощный, индустриальный центр с большими производственными ресурсами. В новом „апатитовом“ городе тридцать тысяч жителей. Это второй по величине полярный город в мире. Первое место тоже за нами — Мурманск. Третье также наше — Игарка на Енисее.

Замечательно то, что эти три больших, процветающих полярных центра выросли как раз в годы экономического упадка в капиталисти-

ческом мире. В то время, как в Европе и в Америке (да и в Азии и Африке не лучше!) люди мечутся в поисках куска хлеба, оставляют свои поселения, — у нас на самых диких окраинах, на основе роста экономики этих окраин, вырастают новые города.

Вот сравнительная таблица, иллюстрирующая значимость полярных городов мира по количеству населения:

Тромсе — Норвегия . . .	около	13 000 жителей
Гаммерфест	»	5 000 »
Номе — гл. город Аляски .	»	4 200 »
Мурманск	»	63 000 »
Хибиногорск	»	30 000 »
Игарка	»	15 000 »

В одном Мурманске больше населения, чем во всей огромной Аляске...

Порт смотрит в ночь огнями судов, паровозов фонарей, прожекторов. Порт трудится дни и ночи. В порту карнавал машин, вагонов, грузов, людей.

В этот теснящийся гулкий хаос врезались тридцать две собаки, волокущие четверо саней. Огромные люди сидят на низеньких санях, орудуют длинными хореями и прикрикивают:

— Ля! Ля!

Собаки мчатся меж вагонов, среди пирамид и кубов, среди бестолочи еще не принятых грузов. Лай, вой, визг...

Сергей Прокофьевич Журавлев резко стопорит у борта „Красина". Собаки накрываются собственными пушистыми хвостами и уже дремлют в снегу. Только бедному „Лорду" нечем укрыться, его хвост напоминает хорошую хворостину. С горя он злобно лает на трубы ледокола.

Капитан Легздин приглашает Журавлева в каюту. Они договариваются об использовании собачьего транспорта по погрузке. И уже через полчаса, вывалив языки и тяжело дыша, собаки доставляют первую партию груза. Боцман размещает в трюмах бочки с сельдью, с квашеной капустой, с подсолнечным маслом.

В кают-компании появляется первый пассажир.

Определенный альбинос: белые волосы, розовое лицо, светлые глаза с красноватым оттенком. В петлице у него жетон — модель аэросаней.

— Коростылев, — говорит он, пожимая руку. — Водитель аэросаней.

У борта громыхает платформа, на ней металлический ящик со слюдяными окнами.

— Мои сани, — с гордостью говорит Коростылев.

Долго платформу гоняют по путям, взад и вперед. Наконец, к обеду, сани снова появляются у борта.

На этот раз боцман успевает затащить их с помощью крана на палубу.

Все внутреннее оборудование саней чрезвычайно просто и несложно. Кузов, оказывается, фанерный, крашеный под алюминий.

— Сто километров в час! Полторы тонны груза! Двенадцать пассажиров! — заявляет Коростылев.

Меж тем, летчики гонят платформу с двумя новыми моторами для „ЮГЕ“. В пути заменят старые моторы, налетавшие значительно больше положенной нормы.

На борт подымается слоноподобный человек. Серые глаза, бритое лицо. Одет он более, чем легко для здешних широт: летнее пальтишко, по-

луботинки и тросточка. Над этим высится морская фуражка с шитым золотом гербом. Это бывший капитан Ленинградского порта — Федор Вавилович Усков. К нам он прибыл в качестве представителя начальника экспедиции, для ускорения погрузки.

Маленький человек в черном костюме с медными пуговицами является обладателем самых больших на „Красине“ усов.

— Гидролог Казимир Романович Олевинский, — рекомендуется он.

Казимир Романович отправляется с нами в тридцать седьмое свое арктическое плавание.

Его научный партнер — Лев Викторович Антонов напоминает пожилого, в высшей степени симпатичного моржа. Когда-то он командовал знаменитым крейсером „Гангут“, теперь он является одним из лучших полярных мореходов и идет с нами в качестве географа.

Самый молодой ученый в мире это, бесспорно, наш синоптик Александр Петрович Гальцов. Он тщательно холит то место, где должны появиться усы, притворяется солидным мужчиной, но — увы! — несмотря на его высокий рост,

сразу чувствуется, что ему едва ли больше двадцати.

Кают компания все наполняется. Представитель северного крайисполкома Иван Афанасьевич Корионов, начальник снабжения Морзверпрома Орлов, уполномоченный Севморзверпрома по Новой Земле Морозов, пожилой человек, серебряноволосый, обветреный,—устраиваются на диванах кают-компании.

Начальник экспедиции, молодой летчик из породы советских самородков, Марк Иванович Шевелев, прибывает последним.

Старший помощник капитана Михаил Никандрович Прокофьев разбивает членов кают-компании на две смены. Все равно за столом нехватает места! Тогда вводят в список „действующих агрегатов" круглый столик у левого борта (авось, не поссоримся!).

Диваны по правому борту кают-компании отделяются портьерой, там — „шалман", по-портовому — притон. Это каюта Корионова, Орлова, Морозова и Тома — корреспондента „Комсомольской правды".

Кто-то остроумно называет большой стол

и его окрестности „кают-компанией“, маленький стол у левого борта — „уют-компанией“, окно буфета, прорезанное в стене кают-компании, — „дают компанией“. Все остальное — „шалман“.

Каюты, кубрики, даже вестибюль битком набиты людьми, аппаратами, скарбом, оружием.

Собаки ютятся на палубе в непосредственном соседстве со своими мощными конкурентами — аэросанями и самолетами. Они упорно избегают оседлости, перекусывают ремни, перегрызают ошейники и, вместо того, чтобы жить в своих ячейковых будках, бродят по палубе, болтаются и путаются под ногами.

Федор Вавилович Усков носится с невозможной для его комплекции прытью. У него телефономания. Он набрасывается на каждый попавшийся телефон и хрипло кричит:

— Да, чорт возьми! Да дайте же, наконец, начальника порта! Нету? Чорт возьми! Да дайте же, наконец, телеграф! Занято? Дайте же, наконец, чорт возьми совсем! начальника порта!

То вагоны простаивают на угольной базе, —

нет паровоза. То вагоны поданы к борту, — нет грузчиков. То грузчики ждут на базе, — нет вагонов. То грузчики ждут на палубе, — нет угля.

— Да, чорт возьми совсем! Дадите мне начальника станции?! Нету? Дайте капитана порта! Нету? — и т. д... целый день.

В Управлении порта Федор Вавилович воюет за качество:

— Ну, подумайте сами, — восклицает он, ударяя собеседника по колену так, что у того отвисает губа, — разве ж может судно итти зимой во льды на „ПЖ“? Нет, вы только подумайте?!

— Что поделаешь, — робко разводит руками собеседник, — циркуляр, и мало у нас, знаете, „Ф“.

— Но вы меня режете! — кричит Федор Вавилович. — Вы знаете, что это за рейс? Вы, что же, хотите заморозить лучший наш ледокол? Куда же годится ваш „ПЖ“!

— Но вот берут же... и „Седов“ брал, и „Ленин“...

— А я вам говорю, что это первый зимний

рейс. Понимаете, что это значит?! Нет, голубчик, вы уж не ломайтесь, — неожиданно меняет он тон.

Уголь валится в бункера и трюмы с двух сторон.

Сменяясь, вахтенный помкап (помощник капитана) заносит в журнал:

— Грузились продовольствием и углем. За вахту погружено восемьдесят тонн угля.

Наш старший механик Михаил Иванович Денисов — брат четырех моряков, сын и внук моряка, сокрушенно говорит:

— Вот видите, большой ледокол, сильный... А надо знать, как с ним. Он любит умение... Вы знаете, что у нас только двадцать ходовых дней?! Да, да! Только двадцать, и ничего удивительного нет. Три тысячи тонн угля! Три машины! Десять тысяч сил!.. А ну, попробуйте, поворочайте три шестидесятитонных винта, тогда и узнаете... Нам нужно сто пятьдесят тонн хорошего угля в сутки. А не какой-то „ПЖ“... На „ПЖ“ далеко не уедешь.

Марк Иванович Шевелев принимает решительные меры по партийной линии, и вместе

с „ПЖ“ идет в трюм и „Ф“. Ночь. Вьюга. На палубе громыхают барабаны и ревут трубы оркестра — погрузка идет под общественным флагом. Теперь помощники уже пишут в вахтенном журнале:

— За вахту погружено сто пятьдесят тонн... Погружено за вахту двести тонн...

До отхода остается два-три дня. Борис Григорьевич Чухновский совещается с Козловым, с Косухиным — своими полярными соратниками, и в далекую деревню Центральной России устремляется молния:

— Проворихину, спешно прибыть в Мурманск Чухновский.

В день отъезда появляется маленький, очень живой, очень симпатичный и говорливый бортмеханик Проворихин.

— Фу, — говорит он, знакомясь со всеми, — насилу догнал. И на самолете летел, и на скором... Думал, что не успею.

Несколько месяцев тому назад Проворихин „гробился“ с самолетом у Югорского шара. Трехмоторный самолет попал в какой-то воздушный поток и пошел головой вниз. Прово-

рихин вылетел в воду раньше, чем достиг ее падающий самолет. Он вынырнул с большой глубины. Бровь рассечена, кровь залила лицо. Мокрый, избитый, он бежал двенадцать километров до станции... Телеграмма Бориса Григорьевича застала его в доме стариков, где он отдыхал после „полундры“, залечивая приобретенный в невольном купании фурункулез. Проворихин бросил лечение и примчал в Мурманск.

Водоналивная баржа подошла с левого борта и отдала „Красину“ сто двадцать тонн пресной, мягкой, почти мылящейся, мурманской воды.

Боцман теперь крепит бочки, ящики и мешки прямо на палубе. Матросы каждый день очищают ее от собачьих экскрементов. Наступает тот последний день, когда нужно прощаться с берегом, отдать последние визиты, убрать концы и итти в зимнюю неизвестность...

Народ пошел во Дворец культуры, кое-кто — по знакомым, некоторые, по старой морской традиции, отправились в коммерческий ресторан „смочить“ отплытие.

А мне некуда итти. Перебираешь в памяти все лица, промелькнувшие перед глазами в последние дни. Впрочем, можно пойти к молодой газетной чете. Они ведь приглашали, — милые парни, сотрудники „Полярной правды", в некотором роде брат и сестра по оружию.

С вечера задул ветер. Повалил косой снег. Но не сидеть же в кают-компании одному в этот последний континентальный вечер.

Я иду в гору, пересекаю все новые улицы, выхожу на площадь с пожарной вышкой посредине и стучусь в дверь двухэтажного деревянного дома,—одного из последних новых домов Мурманска.

На столе появились чайник, хлеб... На тарелке засверкала серебристая сельдь.

Молодая хозяйка — Белла Федоровна — говорила что-то о бессилии ветра, увязывая этот вопрос с планом индустриализации Кольского полуострова. Ниночка — гостья, поддерживала разговор с должным энтузиазмом, и коварнейшая улыбка вычерчивала на ее щеках теплые, розовые ямочки.

А с гор свалился шторм. За окном ветер

кувыркался и выл. Снег тяжело ворочался на земле и в воздухе.

Мы перешли от ветра к подледному лову сельди, давшему стране десятки тысяч тонн продовольствия; от сельди — к любви вообще и к любви за полярным кругом в частности; далее занялись разбором вопросов комсомольской этики—мои хозяева комсомольцы—словом, чай и селедка трагически незаметно исчезли. Мне нужно подняться, поблагодарить, попрощаться и направиться в порт. Несмотря на шторм, там вероятно кипит работа; скорей бы завалиться на свою койку в канцелярии.

Иван Петрович — молодой мой хозяин — проводил меня, захлопнул дверь; щелкнул засов, и вот я один в белом пляшущем хаосе, и нет ничего впереди, ничего сзади. Ветер навалывается, толкает, дергает, и ноги вязнут в сугробах. Дышать становится все трудней.

— Не вернуться ли? Ведь точно так люди замерзали на собственном пороге.

Я думаю, что возвращаюсь, но положение нисколько не меняется: все так же темно, по-

прежнему душит бешеный ветер и дальше ресниц ничего не видно.

Все выше сугробы. Все трудней вытягивать ноги из снежных тисков. Мороз лют, и шторм растет...

Голова невольно работает над спасжизпланом, и в то же время отлично понимаешь, что все это смешно, что в сущности никакой опасности нет, что нельзя же замерзнуть на улице города, в котором шестьдесят три тысячи жителей, Дворец культуры, незамерзающий порт, и что как раз в эту минуту, наверное, заседает исполком!

Но факт остается фактом. Блуждаю больше часа: устал, запыхаюсь, задыхаюсь, ослеп, а дороги нет, и курс неизвестен... Нужно двигаться во что бы то ни стало... Иначе замерзнешь. А усталость не дает двигаться.

Вдруг под ногой что-то твердое, неподатливое. Как-будто такому предмету не место в сугробе. Толкнул ногой — качнулось; еще раз толкнул, еще раз качнулось. Уж не человек ли? Нагнулся, ощупал...

Так и есть. Под ногами замерзающий.

— Послушайте, товарищ, гражданин! Что вы здесь делаете?

Напрасно я тормошу его, напрасно прикладываю ухо к какой-то части его тела. Ничего не слышно из-за ветра, и он недвижим.

— Эй, вы, товарищ! Да скажите же что-нибудь. Живой вы?

Почудилось ли это, или действительно он... Какое-то мычание, бормотание.

— Что вы здесь делаете в снегу?

— Я?

— Ну-да, вы, вы.

— Я... м... мм... мммм... товарища ожидаю.

— Ах, так? Товарища ожидаешь? Ану, подымайсь-ка, пьяница несчастный! Я тебе покажу, как товарищей ожидать! Подымайсь, живо!

— Я?

— Ну-да, ты, ты, чорт возьми! Подымайсь!

— Иди ты к... божьей матери. Чего пристал? Спать не даешь... Ишь, привязался!

— Товарищ, родненький, встань! Встань, голубок! Ведь этак ты замерзнешь.

— А ты что за указчик? Захочу и замерзну и не твое дело.

Выйдя из терпенья, я хватаю его за пояс и волоку по снегу так, что голова его болтается с одной стороны, а ноги — с другой.

— А ты не толкайся,— бормочет он.— Милицию позову... Ми-ли-ци-онер! Не имеешь права таскать... Я тебе и в морду дам... Вот увидишь, дам.

Он тяжел, как куль. И я не знаю, куда его тащить. Отчетливо помню, что час тому назад вышел из дома на окраине города. Слева — пустырь, за ним тундра. Где я теперь? Уж не барахтаюсь ли я в тундровом снегу? Не удаляюсь ли я все больше от города? Только бы не свалиться в пропасть, только бы продержаться.

Вдруг что-то больно ударяет в голову. Ощупал бревенчатую стену. Спасительный удар. За стеной — тепло, люди, спасение.

— Эй, отоприте, граждане! Отоприте! Человек замерзает! Че-ло-век!

Скрипит дверь. В заснеженные сени выползает полоса света. Передо мной гостеприимный хозяин — Иван Петрович, за его спиной — Белла Федоровна и Ниночка.

— Простите, дорогие! Невозможно итти... пурга... А тут еще человек замерзает в снегу... Вот приволок я его.

— Белла! Нина! Человек замерзает... Давайте его сюда!

— Но вы, Иван Петрович, простите великодушно, он сильно пьян.

— Давайте его, давайте... Пьяные еще скорей замерзают!

Мы вчетвером возимся с неизвестным нам человеком, устраиваем его в углу у печки, героически предоставляя ему все, что есть в доме из одежды. И никого не смущает то обстоятельство, что перед нами обыкновенный пьяница. Добрые намерения окружающей меня молодежи не исчезли даже тогда, когда спасенный вдруг чихнул и разразился густой бранью.

Чувствуя себя, до некоторой степени ответственным за его поведение, я прикрикнул:

— Ну, ты, гражданин! Не смей ругаться! Это ж ведь не в кабаке.

— А мне плевать...

Потом он сел на постели, обвел нас осовелым взглядом и стал извиняться:

— Дядя, родненький, прости меня, пожалуйста. Не буду больше пить. Сволочь я! Ах, ядрена кошка! Какой же я несознательный... Люди мне жизнь спасли, а я ругаться... И такие вы, дамочки, простите, хорошенькие. И парень хороший и папаша (это обо мне) приятный человек. Простите вы меня, пожалуйста.

У Нины на щеках запрыгали ямочки. Она неожиданно расхохоталась. Белла Федоровна немедленно присоединилась к ней. Иван Петрович пытался строгим покусыванием губ отогнать приступ смеха, но это не помогло. Обо мне и говорить нечего: общий смех, как нельзя более кстати, избавлял меня от, казалось, заслуженных упреков.

В комнатушке, где двое еле могли разойтись, в ту ночь устроились на ночлег пятеро. Я лег на полу, завернувшись в свою шубу, хозяева взяли Ниночку в свою узкую кровать.

Погасили лампу, умостились, стали согреваться... Вдруг — хохот.

— Не могу забыть! — восклицает Ниночка.

Супруги не отстают от нее, и я, до краев наполненный радостью, не жду приглашения.

А ветер подвывает нам, стучась в забитые снегом стекла, и буря караулит за окном...

Вдруг в углу начинается возня. Слышен голос нашего гостя:

— А ведь земля, поди, крутится...

— Ну, это, товарищ, ты Америку не открыл...

— Что там Америка? Ее и открывать нечего. А я вот колхозник, с бота „Прибой". И ты мне жизнь, можно сказать, спас... Значит — факт, земля еще крутится...

Утром, сквозь ветер, мы пробиваемся с ним к порту. Он кричит:

— У нас, действительно, с пьянством еще не покончено... Большое зло пьянство! Не найди ты меня вчера в снегу,— сегодня труп был бы. А все оттого, что пока добьешься до берега, тоска такая нападает,— всех бы расцеловал на твердой земле... А придешь в город, и каждый имеет свое дело, все заняты своими интересами... Вот и пойдешь в коммерческий...

В его суждениях много истины. Чувство тоски по коллективу, по твердой земле зна-

комо каждому моряку. На берегу он должен найти внимательную товарищескую среду, и это в значительной степени помогло бы бороться с пьянством. Мурманский Дворец культуры много делает в этом отношении, но он должен и может сделать значительно больше. Нужно только не бояться новаторства. Нужно искать новые методы, рассчитанные на специфику полярного производства и быта.

3

ВО ЛЬДЫ. КИЛЬДИН. ТЕРИБЕРКА, ОГОНЬ ПО НОСУ

Эхо, точно придушенное, подхватило три басовистых сигнала „Красина“ об отходе. В далеких горах глухо отдались гудки. Вечер, сырой и тяжелый, с мокрым снегом, с вогкостью во всем и везде, плотно придавил огни, строения, вагоны, корпуса судов.

У борта жалась группа провожающих. Они промокли и отяжелели. Береговая команда вернула наши концы, со стороны носа запыхтел еле видный в мути вечера портовый буксиришко. Он подхватывает буксирный конец. Захлебываясь, начинает мутить воду вокруг и с трудом отводит нос ледокола от стенки.

Восемь ярких факелов не в состоянии осветить группу на берегу, и кинооператор Донец с досадой сворачивает свою аппаратуру.

— Товарищи красинцы! — кричит из тумана старый большевик Азовский. — Партия и правительство возложили на вас трудную, ответственную задачу... Первые в мире вы должны зимой пройти к Новой Земле. Вы должны выручить зимовщиков. Желаем вам успеха! Морзверпром, которым я руковожу, уверен, что вы пройдете к Новой Земле, что вы поможете промышленникам и тем самым подымете на новую высоту нашу пушную промышленность. Счастливо! Счастливо, товарищи!

Тишина медленно спускается на нас, обволакивает порт вязким холодным туманом. В тишине точно скребет мышь, хлопочет буксир, чуть заметно двигается судно, куда-то нас несет, что-то происходит вокруг... Хриплый свист. Голос, как сквозь стекло:

— Выбрать буксир...

Кто-то проходит мимо... Внизу — ноги... Это мои сапоги на секунду показываются из тумана. Огонь сигнального фонаря, как фу-

рункул, бухнет в тумане, и холодная роса ложится на лицо, на глаза...

Усталость неслышно садится на плечи. Чертовски хочется спать...

Десять тысяч сил хорошо взнузданы. Голые торсы кочегаров лоснятся и вспыхивают багрянцем у бурлящих топок.

На мостике капитан и лоцман впились в глухой мрак.

Собаки встревоженно скулят на палубе.

В красном уголке — урок математики.

В походной рубке Александр Петрович Гальцов выводит первую синоптическую карту.

В радиорубке гудит электромотор. Иван Васильевич Юдихин — главный радист „Красина“ — поймал мыс Желания. Лицо его дергается, зубы стиснуты.

В пекарне пахнет медом — доходит ржаной хлеб.

В бане моются только-что сменившиеся кочегары.

Третий помощник капитана, Степан Парфенович Шилин, углубился в подсчет принятых грузов, выписывает коносаменты. Форма дол-

жна быть соблюдена даже в таком романтическом рейсе. За каждый грамм кто-то отвечает...

Дублер второго механика — молодой инженер Арсений Николаевич Стефанович — совещается с первым механиком Денисовым по поводу конкурса кочегаров. От партийного коллектива, в лице ответственного секретаря — кочегара Миши Зыбина, установка получена: нужно технически оснастить начинание.

Покормив собак, каюры спустились в кубрик и дуют в козла.

Сменившись с вахты, крепко спят кочегары и матросы; никакой шум им не мешает.

В кают-компании допивают чай. За отдельным столиком сражаются на шахматной доске ученые — Лев Викторович Антонов и Казимир Романович Олевинский. Оба близки к мату.

— Видите ли,— говорит своим немного вялым голосом дублер второго помощника капитана Адам Петрович Рундан ...— это еще как сказать. Вот вы говорите — „Красин“... Это еще как сказать? У нас на „Ломоносове“...

— Да бросьте вы, Адам Петрович, свой

„Ломоносов“— деревянное корыто, сто лет под водой лежало ...

— Это „Ломоносов“— деревянное корыто? Да вы знаете, что от того, что он лежал под водой, его корпус стал, как железный? Да, да! Топором знака не сделаешь... А вы говорите... „Ломоносов“ — настоящее полярное судно. Давайте пойдем, вы — на „Красине“, а я — на „Ломоносове“ Кто выше подымется? Посмотрим тогда...

— Но позвольте, Адам Петрович, у вашего „Ломоносова“ ход не выше восьми узлов...

— А интересно, сколько ваш „Красин“ покажет во льдах... Вы не смотрите, что он дает шестнадцать. Это по ровному, по воде... А ледоколу не по воде ходить, а во льдах. А как болтает ваш „Красин“?

Никто всерьез не принимает воэражений Адама Петровича. Еще мало знакомые с ним, мы думаем, что он шутит. „Ломоносов“—промысловое деревянное судно ледокольного типа — сравнить с мировой знаменитостью, мощным стальным „Красиным“?!

Но вскоре мы убеждаемся, что Адам Пет-

рович и не думает шутить. Он глубоко любит свой корабль, с которым сжился за время плаваний на нем. Он любит его, как живое существо. И Арсений Николаевич Стефанович, начинавший морскую службу на „Ломоносове", спешит присоединиться к Адаму Петровичу.

Каждую минуту врывается рев красинской сирены. Туман сгущается, и ледокол останавливается. Об этом мы узнаем по абсолютнейшей тишине, воцаряющейся в утробе корабля.

Во время работы машин корпус чуть заметно вздрагивает, и тихое ровное гудение доносится из машинного отделения.

Капитан спускается в свою каюту. Буфетчица Лида молча ставит перед ним прибор. Он присоединяется к пьющему чай начальнику экспедиции Марку Ивановичу Шевелеву. Они постепенно согреваются.

Отставив пустой стакан, Марк Иванович склоняется над картой, вооружается карандашом и говорит:

— Да, наш план, очевидно, самое реальное,

что можно сейчас принять. А как у мыса Желания?

— Лед до горизонта, два метра и толще...

— В Русской?

— То же самое...

— На Горелой (Мурманская радиостанция) поймали сегодня радио Анисимова. Где-то на леднике поставили антенну, а они поймали. Вызывали нас... Четыре собаки замерзли... Идут к Смидовичу... Да, из Русской тревожные новости... Ермолаев — начальник научной станции — с Велькеном — немецким ученым и мотористом Петерсеном еще 22 февраля пошли на аэросанях к мысу Желания по центральному леднику. Двести миль... На мыс Желания они не прибыли, в Русскую гавань не вернулись. За ними выезжали на собаках... Но научный сотрудник — новоземельский ненец-Ардеев — свалился во время снежного шторма с собаками с обрыва. Теперь ехать по следам больше некому.

Выслушав капитана, Марк Иванович заложил руки в карманы, поднялся из-за стола

и, опустив голову, нервными, порывистыми шагами стал мерять взад и вперед каюту.

— Полундра за полундрой,— говорил он, ни к кому не обращаясь. „Малыгин“ сидит у Шпицбергена на банке... „Сибиряков“ только-что вернулся из Японии... „Седов“ пошел на подмогу „Ленину“ снимать „Малыгина“, мы тоже идем в авральном порядке... А ведь план зверобойный сто пять тысяч шкур.

— А вы не видели? Сегодня под вечер приплелся „Ломоносов“... Полный груз. „Нерпа“ пришла с полным грузом... „Сибиряков“ отправляется на промысел завтра, послезавтра... Все суда пока перевыполняют план.

— Но сто пять тысяч!

— И „Дельфин“ еще идет, говорят...

— Сто пять тысяч...

Каждую минуту падает низкий длительный гуд. Это ревет наш ледокол, чтобы какое-нибудь судно не налетело на него в тумане.

Легкий стук в дверь:

— Старший помощник передавал, что туман расходится... Лоцман на мостике.

Прикажете выбрать якорь?

— Вахтенный,— говорит Яков Петрович,— скажите боцману приготовить палубную вахту, я сейчас выйду.

Марк Иванович одевает кожаное пальто, подбитое мехом, летный шлем и поднимается на мостик вслед за капитаном.

Сквозь туман в залив заглядывают отдельные синие звезды. Они теперь маленькие и одинокие.

Клочья берега то появляются, то исчезают с правого борта. Внизу уже видна студеная, неподвижная вода.

— Можно итти,— говорит Яков Петрович и переводит рукоять телеграфа.

Где-то далеко внизу, в машинном отделении, звон мгновенно повторяется, и молодой машинист Ларионов, скользя на плиточном полу, как на коньках подъезжает к аппарату, дает ответный сигнал, поворачивает рычаг, отвинчивает паровой вентиль... Шатуны идут с полным размахом; три вала, выходящие где-то глубоко под кормой, вращают шестидесятитонные винты. Ледокол движется вперед, чуть вздрагивая.

Береговые горы плывут мимо, на их широких спинах лежат жирные лучи луны. В заливе становится празднично.

За островом Сальникова лоцман спускается по шторм-трапу на палубу своего катера,— ледокол выходит в море, навстречу холодному утру.

Справа, на востоке, закованный в снеговую броню, маячит Быков нос острова Кильдина. Угрюмая, потрескавшаяся скала круто вздымается на много десятков метров.

Пусто на зыбкой воде, пусто на острове. Но всего в восемнадцати километрах на восток, в глубине пологого залива, живет и трудится становище. Рыбацкая артель, сложившаяся в 1930 году и окончательно ставшая на ноги в 1931, объединила всех трудовых рыбаков острова. Иодовый завод, построенный два года назад, питомник голубых песцов, организованный в 1929 году, параллельно с этим— недавно начатые разработки торфа, разведка грунтов,— все это наполняет остров движением, темпами, деятельностью.

. . . . . .

В одну из глухих ночей осени 1928 года в заливе раздался гуд „Азимута". Пароход требовал лодку. Тогдашний председатель островного совета Дмитрий Павлович Морозов поехал к пароходу.

Борт был слабо освещен светом раскачивающейся на ветре электрической лампы. Видно было, как по шторм-трапу спускается грузный человек. Из-под брезентового плаща у него выпирало оружие... Он долго щупал ногами нос невидимой шлюпки, потом, попав на сиденье, сразу отпустил трап и едва не упал в воду. За ним отпустили тяжелый сундук с никелированными щитками на углах.

По острову в то время гуляли слухи, привезенные из мурманского агентства Госторга, что скоро-де на острове будет питомник голубых песцов, что рыбаков, стало-быть, выселят,— кончается, значит, привольное житье, нужно отправляться в новые места, сызнова обживаться.

Кому же быть глухой осенью, если не представителю Госторга, призванному уничтожить насиженные гнезда?

Приезжего встретили неприязненно. Сундук приволокли к школе и бросили у крыльца, не сказав ни слова. Приезжий не мог ориентироваться, не знал, где искать ночлега. Он старался казаться спокойным, но по тому, как он расстегнул плащ и торопливо ощупал колодку маузера, видно было, что нервы его одолевают волю. Переночевав в нетопленной классной комнате, утром он появился в становище, но уже без оружия. Рыбаки ходили, опустив головы, пригнувшись, старались его не замечать. Все решено без них, все сделано за них...

Но человек был не из гордых и не из обидчивых. Когда ему не отвечали, он повторял приветствие. Семену Чертовикову он с укором сказал:

— Что же вы тут, не советские? Иль так уж обволчали, что и здороваться с человеком не хотите? А я вам новости с большой земли привез.

— Знаем эти новости, — хмуро отозвался Семен Чертовиков,— выселять будешь.

Приезжий хлопнул себя по лбу.

— Кто сказал, что выселять буду?

— Никто не сказал, а знаем мы...

— Товарищ, официально, как представитель Госторга, заявляю, что я приехал вовсе не за этим, и если бы кто-нибудь вздумал вас выселять, я бы не допустил. Это бессмыслица! Мне поручено построить здесь питомник. Как же я построю его без людей? Кто же обслуживать его станет, если вас выселят? Не ввозить же сюда новых, а старых выселять? В какую копейку это станет!

— А кто его знает? Вам видней... И то, не всегда правильно рассчитывают наши учреждения...

— Но это ведь нелепица! Эти слухи не случайны! Хорошо, что вы мне сказали...

Прямо от Чертовикова он пошел к председателю островного совета Дмитрию Павловичу Морозову. Предъявив ему свое удостоверение, где было сказано, что ему поручено организовать на базе заповедника питомник голубых песцов, человек потребовал немедленного созыва общего собрания.

— Это вредительские, контрреволюционные слухи! — волнуясь, закончил он. — Точно такие

же слухи были посеяны среди самоедов на острове Колгуеве. Там истребили песцовое стадо. Я не допущу, чтобы колгуевский опыт повторился здесь.

На собрание пришли не только рыбаки, но и их жены, дети.

Учительница, Анна Петровна Слунская, заняла свое секретарское место.

— Товарищи,— начал приезжий.— Вы здесь живете давно, вы прекрасно знаете, какое значение имеет для советской экономики развитие пушного хозяйства. Ваш остров является естественным питомником. Песец здесь может плодиться в условиях, близких к природным, может бегать на свободе. Деваться ему некуда. Руководству питомником остается только организовать его подкормку, охранять, стимулировать улучшение породы... Как же можно это сделать без людей? Если вас выселить, нужно, значит, на ваше место кого-то поселить... Я вас не знаю и не имею основания не верить вашей сознательности. Подумайте сами, чем же новые люди будут надежнее вас? Ведь вас тут всего семнадцать хо-

зяйств. А мне немедленно нужно набрать команду бота, тринадцать человек вооруженной охраны, рабочих... Нужно ставить дома, кормушки. Потребуются, значит, строители... Не ввозить же их с материка, не платить же суточных, командировочных, подъемных... Да и где они жить будут? Вы подумали об этом?.. Вот что: раньше всего я здесь, на общем собрании, заявляю и прошу запротоколировать, что ни одного человека не ввезу на остров, если среди вас найдутся работники нужной квалификации. Это — первое. Второе — я ставлю перед Госторгом вопрос о немедленной постройке электрической станции. Пусть горит лампочка Ильича и в ваших избах, в Северном Ледовитом океане. Третье: я буду ходатайствовать об ассигновании вам на культнужды по пятьдесят рублей в месяц... Клуба то ведь нет у вас? Идет зима, скучно... Хорошо бы собраться вечером в клубе, послушать радио со всего света, постановочку посмотреть... Не дожидаясь согласия Москвы,— а согласятся там определенно, это уж факт!— я без лишних формальностей выдам вам сра-

зу за полгода, за год вперед эти отчисления... Получится, значит, солидная сумма. Притянем к этому делу мурманские профсоюзы...

— Да у нас шеф есть,— вставил кто-то из толпы.

— Шеф? Прекрасно.

— Союз совработников...

— Хорошо.

— Только он ничего не делает...

— Ничего? Будет делать!.. Так вот притянем шефа, культотдел профсоюзов, кооперацию, исполком... Соберем деньги и построим своими силами клуб...

По мере того, как заведующий говорил, лица рыбаков светлели, разглаживались морщины и исчезала тревожная озабоченность. Они стали переглядываться, шептаться, одобряюще кивать бородатыми головами.

— Я, товарищи, завтра же представлю председателю список должностей. Выдвинете кандидатуры, познакомимся, отберем народ... Летом, когда в питомнике все равно делать нечего, служащие смогут промышлять, а зимой, кто же откажется от лишних семидесяти пяти

рублей в месяц?! Я предлагаю, товарищи, всем немедленно записаться в группу содействия питомнику. Это будет лучшим ответом тем, кто нелепыми слухами хотел подорвать нашу общественную базу. Товарищи, мы отлично понимаем, что будь у нас не тринадцать охранников, а триста; без помощи и бережливого отношения к питомнику самого населения нам ничего не построить!

Тогда попросил слова Иван Алексеевич Михов — культурный человек, не получивший, правда, никакого образования, но много читавший технической литературы, искатель утопий и неудачник-изобретатель. Его бот после перестройки, произведенной хозяином, потерял и корму и нос... Не поймешь, где у него начало, где конец... Мотор стал каким-то норовистым. То пойдет так, что судно дрожит и рвется вперед, то вдруг, без всякой видимой причины, станет и никакими силами не заставишь его работать.

Михов сказал:

— После объяснения товарища из центра, нам все стало ясно... Только я думаю, что

здесь действительно действуют враждебные силы: нам сказали, что нас выселят, если будет питомник... Значит, имели понятие, что мы должны стать врагами питомнику, потому что вместе нам не существовать. Товарищу дали указание нанять тринадцать человек охраны. Приехал товарищ с оружием... Против кого оружие? Значит, и его пугали, что здесь, мол, бандиты, что здесь, того и гляди, убьют... Правильно ведь я говорю, товарищ? — обратился он к заведующему.

Тот кивнул головой и бросил:

— Об этом я особо скажу.

— Так факт же, — разгорячился Михов, — сразу видно по человеку... И что это за цифра — тринадцать? Против кого тринадцать? Правда, были у нас браконьеры. Кузьминского ведь по общему постановлению выселили, Сладковский, хоть и были разговоры, не замечен... Но если и есть среди нас кто-нибудь, кто не может бросить старой привычки, — за всех ручаться не буду, — так разве ж мы сами не досмотрим? Если против чужих, вот, — говорят, финны браконьерничают у нас на ост-

рове,— возможно это, я сам бывал на разбитом пароходе, на северном берегу, который на скале, видел там и огнище, и банки консервные, так опять же, к чему тринадцать? А трех мало? Надо ведь жалеть советскую копейку. И вот, взяв все в рассуждение, я думаю, товарищи-рыбаки, что ясно теперь, кому выгодно было эти слухи сеять. В Москве, значит, действительно создавали на нас, что мы народ ненадежный, что здесь нужно держать ухо востро, ружье заряженное,— это чтобы с испугу нас и впрямь выселить!— а нам, чтобы питомник задушить, раньше чем он построился, обратно сеяли, что, мол, питомник вам враг, утопите питомник, и жизнь ваша пойдет великолепно... Значит, что мы должны делать при такой картине? Первое: принять к сведению доклад товарища из центра; второе: постановить всем, как одному, записаться в группу содействия; третье: каждый должен взять на себя обязанность, где бы он ни был, поглядывать на берега, не идет ли к нашим берегам какая подозрительная посудина; четвертое: ежели, действительно, удастся сколо-

тить какую подходящую сумму на строительство клуба, то отвести под него помещение; „гопа“ (ночлежки). Масленников в наследство нам оставил стоющий дом, а мы его запустили, без крыши, пол сгнил... и самим, значит, со своим инструментом помещение то восстановить и построить в нем клуб. Также работать и по постройке питомника и по строительству электростанции... А, главное, нужно писать в Москву резолюцию, что, мол мы, рыбаки-промышленники, труженники с малых лет, всяческим способом приветствуем постановление центра о постройке на нашем острове питомника, что мы благодарим за доверие и внимание, что содействовать, мол, будем всем, на что только способны. Я кончил.

Дмитрий Павлович Морозов, по должности председателя, конечно тоже взял слово. Покручивая свой русый ус, он сказал, что ему говорить, собственно, нечего, так как Иван Алексеевич Михов уже все слова выбрал из его рта, что Михов сказал правильно, и резолюцию написать должен президиум. Остается только пожелать,

чтобы все обещанное из центра немедленно было приведено в исполнение.

Так было положено начало питомнику. Заведующему пришлось выдержать трудную борьбу с врагами питомника, с врагами социалистической стройки. Он мотался на ботике по всему побережью, ездил в Мурманск, посещал подозрительных по браконьерству финнов и вел с ними длительные беседы... Ездил даже в Москву. Энергия, поддержка трудового коллектива и советского аппарата дали свои результаты. Вредители, в том числе кулак Игнатов, пролезший было в аппарат Мурманского госторга, автор слухов о выселении и сабо-тажник, — понесли заслуженную кару, хотя вначале в этом деле и не были изобличены. Но рано ли, поздно ли — они себя выявили, и Игнатов был осужден за использование своего служебного положения в интересах классового врага.

Тепер питомник на ровной дороге. Поголовье песцового стада переваливает пятьсот особей,— все голубые, ценные песцы. Будущность питомнику обеспечена. Рыбаки объеди-

нились в артель, психологический фундамент которой был заложен руководством питомника еще в 1928 году. Иодовый завод превратил глухой остров в индустриальный городок, с населением свыше тысячи человек.

Между питомником, артелью и заводом возникло нечто вроде творческого антагонизма. Все они растут, им тесно на острове. На очереди вопрос о переселении. Рыбаки бесспорно останутся на насиженных местах. Поговаривают о переводе питомника на материк. Можно переселить и завод, оставив на острове, у источника сырья, только печи. Завод может получать полуфабрикат, а это разгрузит остров. Наконец, можно возить Laminaria (морскую капусту, из которой вырабатывается иод) в сыром виде. В этом случае лучше всего было бы построить завод в Ручьях, на материке, против Кильдина, или, если уж так необходимо строить завод в населенном пункте, построить его в Териберке, километрах в тридцати пяти, сорока от Кильдина на восток.

Териберка, в которой в 1928 году была построена первая на берегу электрическая

станция, благодаря колхозному строительству, быстро растет. Теперь это большой районный центр, со школой, больницей, клубом, магазинами. В 1928 году рабочий Хазанович, строивший электростанцию, рвал на себе волосы. Товарищество электрификации, созданное им, переживало кризис, мотор в двадцать пять сил работал наполовину впустую. Динамомашине нужно было только десять сил... Пятнадцать лишних сил делали все предприятие нерентабельным! Лампочка Ильича, впервые зажженная на мурманском берегу, должна была погаснуть из-за этих лишних пятнадцати сил. Теперь поселок полностью электрифицирован. Десятки моторов работают на электричестве. Мощная судостроительная рыбачья верфь сама поглощает сотни сил. Хазанович гордится своим детищем и его работой, а колхозники горды тем, что среди них есть

. . . . . .

такой человек, как рабочий Хазанович...

„Красин“ оставил Кильдин на востоке. Меж горизонтами перекатывались холодные валы. Одинокий пароход мотался на зыби, — очевидно

один из пятидесяти тральщиков Севгосрыбтреста. Эти суда во всякое время года крейсируют в море, вычерпывая треску.

Зыбь становилась все ощутительней. „Красин“ стал на пути валов, стремящихся к Кольскому берегу. И валы, взлетая перед носом, разбитые, падали на палубу, а палуба превращалась в ледяную глыбу. На второй день не только палуба, но и мачты и трубы, все было покрыто ледяной корой, все потеряло свои очертания. Кора все толстела, ледокол тяжелел, но из балластных цистерн были выпущены тонны морской воды, и обледенение не сказалось на осадке ледокола.

Скованный льдом „Красин“ шел своим курсом, не уклоняясь ни на метр от линии, вычерченной капитаном Легздиным на карте еще в Мурманске. Под обледенелой оболочкой шла обычная советская работа: с ударничеством, соцсоревнованием, учебой, заседаниями, дискуссиями.

Четвертый помощник капитана — Николай Павлович Кусков, молодой партиец, сын профессора, взращенный комсомолом, усиленно соби-

рал свой кружок математиков, чтобы пройти с ним... четыре действия арифметики. На черном светере Николая Павловича багровели четыре буквы — „Темп“, память о чуть ли не кругосветном плавании на моторном боте „Темп“ из Норвегии во Владивосток. Николай Павлович гордится отметкой об этом плавании в трудовом списке: второй помкап „Темпа“. Это звучит больше чем гордо. „Темп“ погиб потом в водах не то Восточно-китайского моря, не то Охотского, не то Японского... и это придает красным буквам на груди романтический аромат.

В вахтенном журнале, ведущемся строго по форме, самые простые и ясные записи принадлежат перу Николая Павловича. Сквозь сухой стиль, ограниченный морским обиходом, в записях Николая Павловича проскальзывают художественные нотки. Это не механическая категория, носящая в себе энное количество знаний — это работник с собственной зарядкой, личным вдохновением, большой выдержкой, вносящий в свою работу элементы творчества.

Свободное от работы время Николай Павлович проводил в своей каюте на носу ледокола. На корме, в еще меньшей каюте, жил ровесник Николая Павловича — молодой кочегар Миша Зыбин. Этот потомственный моряк и коммунист пришел на ледокол в Ленинграде перед самым отходом и предъявил старшему механику Михаилу Ивановичу Денисову командировку. Было сказано в ней, что Михаил Федорович Зыбин направляется на ледокол „Красин“ в качестве кочегара.

От старшего механика Зыбин прошел к капитану, скромно постучался и, получив разрешение войти, доложил:

— Товарищ капитан! Я прибыл на работу по партийной линии. Выделен к вам ответственным секретарем партколлектива.

— Ну, что ж? Хорошо... — протянул Яков Петрович, разглядывая молодого человека.

Михаил Иванович Денисов, начинавший морскую службу с подвальных ступенек, за время трудного восхождения приобрел большие технические знания, овладел языками, но в придачу получил некоторый оттенок консерватив-

ного неверия в людей. Узнав, что новый кочегар будет еще и ответственным секретарем партколлектива, он решил как следует „провернуть“ парня и послал Мишу на самый трудный первый котел.

Зыбин оценил назначение правильно. Да и был он, по сути, рад, что ему дают возможность сразу же заявить себя. Ему, отсекру, необходимо сколотить партийный актив, значит, раньше всего нужно приобрести производственный авторитет.

Миша спустился в кочегарку первый раз, в момент, когда „Красин“ шел Балтикой. Топка первого котла самая капризная — то ли вентиляция не в порядке, то ли колосники; работать пришлось не разгибая спины. Первая вахта далась не легко. С трудом заставил себя Зыбин выравнять шаг в коридоре. Ноги не держат, спину ломит. Он помылся, спокойно прошел в свою каютку, свалился, как мертвый, и проспал до следующей вахты — восемь часов. На „Красине“ из-за тесноты — неполный комплект кочегаров; вместо положенных трех часов, машинная „вахта“ продолжается четыре часа.

В сутки красинский кочегар работает вместо шести — восемь часов. С каждым днем Мише становилось легче работать. На работе он ничем не отличался от других кочегаров, разве только большей производственной активностью и обилием рационализаторских предложений.

Но наверху опыт превращался в партийные директивы. Так вырос конкурс кочегаров. Арсений Николаевич Стефанович, технически возглавивший этот конкурс, аккуратно, после каждой вахты, вывешивал показатели на доске у машинного люка.

У таблички толпились только-что сменившиеся кочегары.

— Осторожно, не выпачкайтесь о нас, — предупреждали они проходящих мимо. Промасленная сажа густо покрывала их голые торсы.

У Миши Зыбина пар никогда не спускался ниже „марки“ — ординара. Кривая на табличке сначала напоминала линию температуры лихорадящего, потом она стала напоминать рельсу.

Покончив с работой в кочегарке, Миша либо таскал мешки со шлаком, что на „Красине“ — увы! — еще делается кустарным ручным спосо-

бом, либо заседал в красном уголке во главе какой-нибудь комиссии или партбюро.

Морская жизнь быстро сближает. Человек здесь весь открыт. Ибо живет сообща, отводит сердце на людях, работает коллективно... И актив поэтому сбить было не так трудно. „Красин“ уходил из Мурманска с активом, в котором значился чуть ли не весь состав ледокола. Трудней было с кают-компанией, располагавшей основными культурными силами. Правда, кинооператор Донец, с помощью представителя печати, добыл в Мурманске кинопередвижку, Борис Григорьевич Чухновский согласился читать лекции по международному положению, Матвей Ильич Козлов взялся руководить военной подготовкой, Арсений Николаевич Стефанович возглавлял конкурс кочегаров, Николай Павлович Кусков учил математике. Но жадный на культуру Зыбин хотел втянуть в работу всех научных сотрудников, всех членов кают-компании.

Никто не подумал бы, глядя на открытое, круглое лицо отсекра, любуясь безмятежной голубизной его больших глаз, что Миша так

хитер. Появившись в кают-компании, он начинал издали:

— Может сыграли бы в шахматы?

Играл он настолько хорошо, что сам наш Алехин — Марк Иванович Шевелев — охотно принимал его приглашение. За шахматами, передвигая фигуру, Зыбин заводил разговор:

— Что-то не клеится у нас с проработкой решений пленума ЦК... Некому доклад сделать, понимаешь, обоснованный такой, политический доклад... Вообще надо было бы этот вопрос поставить систематически...

Стенгазету редактировал матрос типа „грозы морей — Сюркуфа“ — рулевой Рыдалевский. Он полагал, что газета должна висеть на стене, — в этом ее главное назначение. Неважно, является ли она продуктом общественной мысли или сделана одним человеком — лишь бы была. И вместо того, чтобы привлечь к участию в газете команду и кают-компанию, Рыдалевский просто писал ее сам сначала и до конца. Писал грамотно, с достаточной газетной квалификацией... Но мы, работники печати, сочли это ненормальным и начали с того, что объявили

о создании литературного кружка. Кружок этот так и не родился, — слишком мало было времени у команды, зато газета приобрела ряд новых сотрудников, не столько литераторов, сколько массовиков, машкоров и палкоров (машинных и палубных корреспондентов).

На второй день после ухода из Мурманского порта встретилась первая льдина, изъеденная водой. Она вероятно не раз переворачивалась. Плыла она на запад. За первой последовала вторая, третья; потом льдины пошли толпами, толпы густели, сливались, и вот уже ледокол прокладывает себе путь в сплошном битом льду.

Полярный лед обычно распаляет воображение писателя. С чем только не сравнивали этих льдин? И с лебедями, и с за́мками, и с бабочками ...

Лучшим образом все-таки останется лед. Льдины были ледяные, такими, какие бывают на большой реке во время ледохода.

Иногда встречались сонные тюлени, ленившиеся даже поглядеть на нас. К шуму они привыкли, тень наша их не тревожила. Мы могли в них стрелять с палубы, но капитан запретил

охоту, — останавливаться некогда, — у нас задача поважней.

Через час битый лед остался позади: ледокол вошел в полосу блинчатого льда. Большие, плоские и круглые льдины, явно слоистые, явно еще молодые, не выпеченные как следует морозом, смерзались краями. Вода, выпираемая ходом „Красина", образовывала новые слои. Редкие полыньи были покрыты салом. Миллионы льдинок, от микроскопических до величины голыша, сверкая, струились из-под бортов. Они не плыли по воде и не тонули в ней, а скользили, отражаясь как в стекле. Этого одного было достаточно, чтобы видеть, как вода, покрываясь салом, начинает замерзать.

На смену блинчатому пришел сплошной лед. В него были впаяны поля старого, матерого льда, путешествующего у полюса многие годы. Сегодня он был в плену у молодого ледяного поколения.

Скорость движения ледокола с двенадцати-четырнадцати снизилась до пяти узлов в час. С каждой минутой ход замедлялся. В кают-компании было слышно, как скрипит лед, креп-

кие удары потрясали ледокол. Гул, визг, грохот...

С правого борта видели медведя. Он приподымался среди далеких торосов и разглядывал нас, стараясь определить, что же мы, в конце-концов, из себя представляем? Неужели судьба послала ему такого огромного моржа?!

Он шел за нами много километров. Но и в него мы не стреляли.

Ночью началась серьезная борьба со старым льдом. Борьба, имеющая свои методы, свои средства. Ледокол врезывался носом в поле. Двухметровый лед непоколебим. Но три огромных винта бешено загребают воду. Нос ледокола, уходящий под воду под косым углом, упирается в лед и, гонимый винтами, лезет на поле. Это всползание длится до тех пор, пока не лопнет лед. Поле покрывается трещинами, „Красин“ опускается на воду. Чем больше трещин, тем легче откалывать глыбы и пробиваться вперед.

В кают-компании уже освоились с вечным грохотом. Казимир Романович Олевинский взвешивает воду, полученную с разных глубин. Это на-

зывается „гидрографический разрез". Лев Викторович Антонов появляется в малице, с подмороженным лицом. Он только что спустился с капитанского мостика. Его обязанность проверять и отмечать пункты, определять положение, высоту, расстояние. Свои наблюдения он наносит, в виде линий, точек, пунктиров и знаков, на карту.

Александр Петрович Гальцов вывешивает на стене кают-компании синоптическую карту. Карта предусмотрительно снабжена объяснительным приложением, расшифровывающим смысл всех знаков.

И вот мы узнаем, что где-то циклон, где-то гребень, а откуда-то куда-то движется антициклон.

Матвей Ильич Козлов, согревавшийся после трудной работы чаем, не прочь пошутить:

— Значит, уважаемый профессор, ветер от нуля до двенадцати баллов, направление через все румбы — от норда до зюйда, осадки от нуля до двадцати сантиметров, температура от нуля до пятидесяти... Безусловно, не ошибетесь. Безусловно!

— Александр Петрович! Александр Петрович!— спешит вмешаться в разговор Лев Викторович... Вы его не слушайте, неумно шутит... Скажите лучше, нашли вы ключ от клотика?

И бедный юноша, не зная, что клотик это планка у самой верхушки мачты, и убежденный в том, что только на клотике их аппараты будут в безопасности, разводит руками.

— Чорт знает, что такое! Никак не могу его разыскать... Спрашивал у старпома, старпом послал меня ко второму помощнику. Спрашивал у второго помощника, он послал меня к боцману.

Боцман говорит, что ключ у буфетчицы, буфетчица посылает к уборщице... Чтобы на корабле были такие беспорядки...

При этом диалоге трудно не расхохотаться. Многие отворачиваются, сморкаются, кашляют... Даже капитан кусает губы...

Не выдержав, кто-то расхохотался.

Матвей Ильич не теряется:

— Это бывает... Ледовая болезнь... Нужно позвать доктора.

Приходит старший врач Александр Сергее-

вич Чечулин. Он высок, широкоплеч, мускулист. Меньше всего напоминает врача, — ни капельки обрюзглости, так свойственной лечащим от болезней обмена; ни грамма сала, свисающего безобразными складками у лечащих от ожирения, — человек героического склада, больше похожий на торреадора, чем на врача.

Александр Сергеевич щупает пульс, предлагает валерианку, но „больной" хохочет еще больше, и не только он, даже сам автор клотиковой версии, Лев Викторович, откровенно смеется, и все смеются. Александр Петрович краснеет, уши его горят... Он молча уходит.

Марк Иванович потом долго корит нас: говорит, что нехорошо подшучивать над новичками; в такой экспедиции, как наша, нужно избегать грубых шуток, они скверно отражаются на работе.

Получив урок, наш синоптик еще глубже зарылся в работу. Только во время обеда появлялся он в кают-компании. Сдержанно поклонится, спокойно съест свою порцию и уйдет. Такая перемена в его поведении отбила охоту к шуткам.

Насупившись, встречала нас Новая Земля. Древние, морщинистые горы отвесными массивами подымались над горизонтом. Они надвигались, обступали.

Бугристый глетчер зеленеет меж вершин, тусклый морской лед мерцает под горами. Летом на скалах птичьи базары: пух, яйца, мясо, гуано. Глядя на эти богатства, товарищ Морозов, уполномоченный Севморзверпрома на острове, говорит:

— Рабочих рук нет... Что сделаешь? В прошлом году впервые заготовлял яйца... Собрал 600 000 штук... А знаете, сколько можно было собрать? Десять миллионов, двадцать миллионов, тридцать. Как же соберешь, если на всем острове, на сто тысяч квадратных километров, с женщинами и детьми у нас около трехсот человек населения. В Москве в одном трамвае больше людей, чем у нас на Новой Земле.

— Опять же, — продолжает Морозов, — возьмем хотя бы гуано... птичий помет. Это же валюта! А кто будет собирать эту валюту? Возьмем другую статью, гольца. Он же лучше семги! Кто у нас будет ловить его? Для себя

наловят, да и то безобразно засолят. А были бы руки, ого-го, сколько бы гольца выловить можно было... Ну, а основной промысел, пестцовый, разве мы берем его полностью? Ничего подобного! Охотник от охотника промышляют за двести-триста километров, собак недостаточно. Многие не умеют ими пользоваться... Песец тоже себе на уме. Раньше, чем начнет брать приваду, будет кружить вокруг капкана и месяц и два... А почувствует опасность, вовсе уберется. Больше бы народа, больше было бы и промысла. Рассудите сами, если собаки есть, можно, значит, и капканы дальше ставить. Без собак самый лучший промышленник уйдет от избушки не дальше двадцати-двадцати пяти километров... Пока обойдет капканы, то медведь обберет их, а то и сам песец ногу себе отгрызет и ушкандыбает за мое почтение.

— Да неужели же у этого зверька столько воли?

— А что вы думаете... Пока нога теплая он ее грызть не станет, а когда замерзнет, он преспокойно отгрызет и уйдет... Потом, правда,

пропадет где-нибудь, но охотнику не достанется... Заядлая зверюшка, что и говорить. И медведь также: медведя без собаки трудно взять. Обычно бежит от человека, а если голоден, идет на охотника и остановить его можно только пулей в голову или под лопатку. На собаках его и преследовать хорошо, и охотиться безопасно. Медвежья собака, хорошая, натасканная, так в него вцепится, что ему уже не до человека. Охотник может приставить ствол и наповал уложить его одной пулей... Вот и выходит, что все медведи, которых здесь в год набивают когда две, когда три сотни голов,— взяты прямо у изб. Они ведь приходят полакомиться зимними запасами промышленников и тут попадают под пулю. Медведей можно было бы промыслить в два — три раза больше, если бы было больше рук, больше медвежьих собак...

Ледокол с трудом пробирался во льду, подвигаясь все ближе к берегу. Уже хорошо видно, как под горами курится „бора". Дымится снег перед бурей.

— Видите ли,— продолжал Морозов, уста

вившись в береговой снег, — наш медведь отличается от материкового тем, что кочует, лапы не сосет ... Сегодня в одном месте, завтра — в другом ... Оседлает льдину и плывет на ней по всему океану, пока льдина не начнет таять. Тогда он идет обратно в холодные края. Значит, если наши охотники промышляют триста голов, то мимо острова проходит значительно больше медведей.

Если правильно поставить промысел, все могут быть наши, все!

Огромные льдины, отколотые ледоколом, переворачивались на ребро, глубоко уходили под воду, прижимались одна к другой, тесно смыкались с матерым полем, и „Красин", идя вперед, втискивался меж них. На мостике трещал звонок телеграфа, в машинном отделении поворачивали рычаги, докручивали вентили: ледокол шел задним ходом. Потом, когда пар подымался на высшую точку, ледокол шел полным шестнадцатиузловым ходом вперед, разгонял освободившиеся льдины и снова взлетал на поле.

Скрипя и вздуваясь, подгибался лед, про-

валивался и снова отступал к бортам. Снова треск телеграфа, движение вспять, снова разгон... Так час, другой, третий...

В вахтенном журнале отмечали:

— За вахту пройдено две мили...

Или:

— За вахту пройдена одна, полторы мили...

Солнце расцвело над горами, и лед засверкал, загорелся бездымным, ярким пламенем.

Свободные люди столпились на носу.

Доктор Чечулин быстро взобрался в верхнюю бочку на мачте и стал водить биноклем.

Эта обязанность была возложена на него, как на самого зоркого человека на ледоколе.

Вдруг сверху упало короткое:

— Огонь!

Все бинокли впились в линию берега, слово „огонь“ побежало по палубе.

Далеко впереди, под мысом, показалось пламя.

Сергей Прокофьевич Журавлев плюнул за борт, вытер губы и сказал, точно ничего особенного не происходило:

— Катят на двух упряжках...

Долго пришлось шарить биноклем по льду,

раньше чем в поле́ зрения попали две еле́ заметные точки, два мушиных пятнышка. Эти точки не имели стабильных контуров, — то принимали форму звезды, то снова округлялись. Сергей Прокофьевич прожил на Новой Земле двадцать лет; значит эти точки через какое-то количество часов должны превратиться в собачьи упряжки.

4

ТЫСЯЧА СТО КИЛОМЕТРОВ НА СОБАКАХ

На Карской стороне пролива Маточкин Шар в 1923 году построена метеорологическая станция. Она входила в систему УБЕКО Севера (Управления безопасности), теперь перешла в ведение Главного управления Северного морского пути. Станция снабжена радиоустановкой, лабораторией, приемным покоем и т. п.

В ее задачи входит изучение природы Севера, ледяного режима, атмосферных явлений, „делание“ погоды, то-есть передача на материк метеосводок и т. д.

Само собой разумеется, что по своему положению на „большом новоземельском тракте“ —

на берегу важнейшего пролива — станция является и постоялым двором, и перевалочным пунктом, и рассадником советской культуры.

С 1931 года станцией заведует коммунист, самоучка, Николай Николаевич Анисимов. В 1932 году Николай Николаевич получил радиотелеграмму, в которой коротко сообщали, что жена его умерла от туберкулеза, малые дети взяты родственниками. Летом товарищ Анисимов съездил на „большую землю", нашел детям воспитательницу — старую рыбачку — и вернулся на новую зимовку в Матшар.

За короткое время Анисимов сроднился со штормами, с морозами, с вечной, напряженной борьбой за жизнь, за советские начала в диком краю.

Каждый шаг, даже переход из основного бревенчатого дома на метеорологическую вышку, зачастую связан с огромным напряжением воли и сил.

. . . . . .

Было это зимой 1930 года. Наблюдатель Лебедев вышел из дома вместе с тогдашним начальником станции, чтобы сменить группу

научных работников на льду реки Маточки. Нужно было пройти с полкилометра. Они шли при ярком солнечном свете, по приятно хрустевшему снегу, легко одетые, чтобы не носить на себе лишнего груза. Но едва они отошли метров двести, налетел ветер, поднял снеговые наметы, спутал направление, смял мирный блеск пейзажа, и перед путниками встала белая клокочущая ночь.

Они блуждали час, другой. Реки все нет и домой не попасть.

Лебедев выбился из сил. Стал просить начальника, чтобы тот один пошел за помощью.

Начальник пробовав нести Лебедева, но скоро обессилел. Пятнадцать минут отдыха не восстановили сил Лебедева. Итти он не мог.

Тогда начальник станции пошел вразрез ветру, стараясь из последних сил добраться до станции. Он путал, сбивался, щупал дорогу ногами, руками... Только через два часа пришел он, наконец, к стене дома. Еще через четыре часа, когда улегся ветер, зимовщики нашли у самого дома, в бугре, сапог. Кину-

лись откапывать. В снегу был труп Лебедева.

. . . . . .

Товарищ Анисимов потому и полюбил Арктику, что постоянное опробование своей жизнестойкости, своей побеждающей полярные условия силы — стало для него радостной необходимостью.

Два радиста — Зайченко — старший и Старцев — младший радист — несли постоянную вахту у радиопередатчика, связывавшего станцию с внешним миром.

О неудаче „Ямала“ они узнали из архангельских передач, о рейсе „Красина“ им сообщили радиостанции Ленинграда.

Товарищу Анисимову стало ясно: он — представитель партии на острове, он — научная сила, полпред организующего начала и сильный человек. Его прямая обязанность итти на помощь зимовщикам.

Он приказал Зайченко и Старцеву сконструировать радиопередвижку. Собрал сотрудников, объяснил положение. Сотрудники единогласно постановили урезать свой паек,

чтобы освободившиеся продукты перебросить на север.

„Красин" еще грузился в Ленинградском порту, когда товарищи Анисимов и Старцев выступили на единственной, имевшейся в их распоряжении, собачьей упряжке на запад, в становище Лагерное.

Семьдесят километров до Лагерного они шли по льду пролива. По очереди один ехал на санях, другой, чтобы показать собакам пример, шел впереди на лыжах. Они везли радиопередвижку, оружие, корзину с морошкой, консервы, совики, одеваемые поверх малиц, и примус с запасом керосина.

Незадолго до того западный ветер взломал лед. Льдины сталкивались, дробились, смерзались — образовалось торосистое поле.

После трудного, изнуряющего пути они прибыли в Лагерное. За шестьдесят часов они прошли семьдесят километров. Становище состоит из одного дома—больницы. Здесь будет центр острова. Построят школу, островной совет, механические мастерские. Затем будут возведены топливные базы, склады го-

рючего, аэропорт. Положение Лагерного в устьи пролива обуславливает развитие его в крупное селение. Корабли, проходящие северными путями, смогут здесь пополнять запасы топлива это во много раз увеличит их навигационные сроки; самолеты, курсирующие все лето в Арктике, будут удлинять число летных часов, пополняя здесь запасы бензина, масла, — смогут получать здесь и необходимый ремонт. Наконец, создание транспортной базы для аэросаней, вездеходов и организация спасательных партий — стоят на повестке дня.

Но в тот день, когда Анисимов и Старцев добрались до становища, единственное строение было засыпано снегом. Угрюмо смотрело оно на пустынный залив.

Больницу начали строить в сентябре 1932 года. В ноябре строители уехали на „Ямале". Больница была не совсем закончена. Вместо десяти коек по плану, Виктору Александровичу Кузнецову—главврачу, ординатору, фельдшеру и сиделке больницы, — пришлось ограничиться на первый год семью. Больница не

редко пустовала, больные обычно либо выздоравливали дорогой, либо умирали в дороге. Возить ведь приходилось на собаках за 200—300 километров.

Зимой 1932—1933 года в больнице нашла приют охотничья экспедиция Арктического института. Двое сотрудников института — Александр Николаевич Дубровский и Аркадий Петрович Агаджанов, поселились в одной из комнат больницы. Они украсили стены оружием и меховой одеждой. Убив какого-нибудь люрика, чайку или промыслив нерпу, они совершали вскрытие по всем правилам анатомии, исследовали содержимое желудков и заносили полученные данные в свои журналы.

Тоскливой полярной ночью они занимались деланием чучел, а когда это надоело, Александр Николаевич Дубровский одел малицу, положил совик, винтовку и небольшой запас продовольствия на ручные санки и пошел в гости... на станцию к Анисимову. По дороге его догнал буран; перевернув сани, он пролежал под ними два дня.

На станции Дубровский связался с матери-

ком, получил из дому „молнию", в которой его уведомляли, что все здоровы. Выполнив, таким образом, свои родственные обязанности, он тихонечко пошел домой. Еще через два дня, без новых приключений он вернулся в Лагерное.

Аркадий Петрович Агаджанов, выходец из Кавказа, хуже переносил арктический климат. Вместо дальних прогулок, он занялся строительством буера. Получилось громоздкое сооружение. Буер еле двигался, когда ветер дул в корму и вовсе отказывался работать при боковом ветре. Для того, чтобы ставить его под ветер, нужны были усилия всего населения Лагерного, в том числе и доктора Кузнецова, и охотника, жившего в больнице, и даже Агнии Петровны — единственной женщины — уборщицы, стряпухи и прачки.

Доктор Кузнецов прозвал буер „дуером". Но Агаджанов был уверен, что его буер еще послужит.

Сюда-то и заявились на своей упряжке Анисимов и Старцев. Они были приняты радушно, им отвели койки — одному в комнате

охотничьей экспедиции, другому в тесной клетушке Кузнецова.

Как-раз в это время приехал из Поморского, через пролив, старый ненец-промышленник Филипп Вылка. Он повесил свою малицу в сенях, нарубил собакам тюленьего мяса и прошел на кухню, служившую красным уголком, чайной и столовой. Здесь на стене висела стенгазета, в которой бухгалтер Севморзверпрома жаловался на невозможность найти концы в книгах артели „Глетчер“ и призывал все сто процентов внимания отдать этой работе.

Дубровский в своей статье рассказал, что такое цынга и как с ней бороться, Агаджанов избрал темой национальное строительство в СССР. Редакция призывала зимовщиков писать в свою газету. Люди были достаточно активны, но не могли же они без конца писать сами себе! Все расчеты были поэтому приноровлены к обслуживанию проезжающих.

В тот вечер был большой праздник. Литературные труды получили, наконец, признание. И Анисимов читал, и Старцев хвалил, и Фи-

липп Вылка, не умеющий читать, покачивал одобрительно головой.

— Те-те-те... Газета хорошее дело, большое дело...

Его маленькие глаза от удовольствия скрылись в морщинах, а огромная трубка плясала во рту, когда он повторял:

— Бо-о-ольшое дело... Очень большое...

Анисимов узнал от Филиппа, что председатель артели „Глетчер" Кузнецов—однофамилец доктора — как-раз накануне прибыл в Поморское, вместе с представителем Севморзверпрома Журавлевым, заменяющим Морозова в его отсутствии. Тотчас же была написана служебная записка:

— Прошу прибыть на совещание в Лагерное по чрезвычайно важному, секретному политическому вопросу...

И с этой запиской Вылка отбыл в Поморское.

На следующий день приехали приглашенные. Они ездили по промысловым избушкам, подбадривали промышленников, организовывали снабжение, инструктировали.

Приезд Анисимова выбил их из колеи. У них

были свои планы, своя работа. А тут, снимай с промысла собак, снимай людей и гони их куда-то по нехоженным путям, на Север.

Артель хромала на все четыре. Не было ни сдельной, ни премиальной систем оплаты. Люди работали за „пай". Что такое пай, никто не знал. Сколько кому причитается,— неизвестно. Ибо и артель не имела своего баланса. Определяли все на глазок: тому полный пай, такому-то восемьдесят процентов, такому-то шестьдесят...

Расчеты все проводились авансовым порядком. Если учесть, что всякий человек, не в зависимости от его полезности, раз попав на Новую Землю должен откуда-то получить полное полярное снабжение, то станет ясно, что благодаря такой обезличке многие превратились в иждивенцев артели. Получали по потребности, работали по... настроению. В каждой избушке — запасы белой муки, круп, масла, сахара, рыбы, солонины... Можно и не торопиться с промыслом.

К счастью, эта категория была в меньшинстве. Один из Вылок — Михаил — представи-

тель лучшего большинства, живущий на восточном берегу, промыслил в зиму 1932-33 года сорок оленей, сто пять песцов, одиннадцать медведей... Он работал по совести и получал по потребности.

Кузнецов боялся открыто противиться походу на Север, но изворачивался всякими способами

— ... не лучше ли, дескать, раньше товарищам нашим дорогим Анисимову и Старцеву самим проехать на Север, посмотреть как там, да что... После нам по радио стукнут, а мы на станцию для связи ездить будем... И ежели впрямь что срочное, значит и вышлем отсюда на всех собак, сколько их у нас окажется, и мяса свежего, и клюквы, и брюквы...

Анисимов грузно поднялся, уперся в стол и процедил:

— Ты что же, с детьми разговариваешь? Ты как это сказал, пусть пойдут, посмотрят... Что это тебе, Невский проспект? Прогуляться туда и обратно... А люди ждать будут, подождут помирать? Да знаешь ли ты, оппортунист чортов! — он стукнул вдруг кулаком по столу и выпрямился, — что итти-то в один

конец и месяц, и два, и три?! Или придуриваешься, дураком об'езжаешь? Значит, мы три месяца потратим, а там вас будем ждать три месяца... К этому времени уже и помощь не нужна будет. Навигация откроется, пароходы придут...

Председатель Кузнецов стал гладить свою широкую старообрядческую бороду, стал тереть лысину. Потом встал и сказал:

— Предлагаю, значит, немедленно снарядить экспедицию в помощь северным становищам... Так и запиши в протоколе: предлагаю, мол, немедленно экспедицию... немедленно...

Анисимов косо посмотрел на него и заявил:

— Объявляю совещание закрытым...

Ночь лезла в окна белесым светом своим, выли в сенях собаки... Им было холодно и сыро в сенях. Они привыкли жить в снегу. Но если уж их взяли под крышу, то почему не дают теплого места?!

Анисимов вышел в сени, нарубил тюленьего мяса и выпустил собак. Поев, они зарылись в снег, свернулись клубками, накрылись пушистыми хвостами и уже через пять минут

никто не сказал бы, что здесь, вот под этим ровным снегом, лежит целая собачья упряжка.

С северо-востока, из-за горба земли, шло солнце. Багровые лучи его пылали на льду вершин, отбрасывая отражение зарева в небо.

Анисимов стоял с непокрытой головой, точно прощался со всем этим великолепием седой земли, необжитой старины, древности, призванной к жизни новой эпохой.

... Новая Земля станет действительно новой... Большевики открывают ее, будят к новой жизни... Вон в тех горах, среди лютой зимы, несмотря ни на какие трудности, работает геологическая партия. Дальше на север, в Русской гавани, построена в конце 1932 года новая гляцеологическая станция. Она осветит вечный лед Центрального глетчера, исследует все, что под ним...

Не раз Анисимов получал по радио из Русской гавани: ... сегодня... часов... минут... взрываем шесть (десять, двенадцать) тонн аммонала... Предупреждение за пятнадцать минут... Момент взрыва — сигнал... Давайте ваше время, сверим хронометры... Приготовьте ап-

параты!.. Полученное время немедленно сообщите... Ермолаев, Велькен.

Представитель Комитета 2-го Международного полярного года, немецкий ученый доктор Велькен, поставил на станции Русской гавани опыты звукометрии для изучения свойства стратосферы.

Теперь он идет туда, к Русской гавани. Ермолаев настоятельно требовал по радио помощи зазимовавшим строителям...

Анисимов спал меньше двух часов. Но утром, бодрый и свежий, поблескивая на солнце жестяными очками, стал готовиться к переезду в Поморское. Его подозрения сбылись. В Поморском Кузнецов — председатель — запел другим голосом:

— Не я начальник экспедиции, а ты. Собирай себе собак, людей... Дело твое, не мое... Мне нужно выполнить промфинплан.

Анисимов крепко запомнил эту фразу и решил обойтись без помощи Кузнецова. Журавлев, замещавший Морозова, помог ему собрать народ. Промышленники немедленно снарядились в путь и через три дня из ближайших

промысловых избушек прибыли семь упряжек.

Еще пять дней ушли на доставку провианта из Анисимовской станции. Сотрудники выделили целую тонну. В Поморском эти запасы пополнили из складов артели и двинулись на Север. Первая остановка по пути была в том же Лагерном. Не задерживаясь, собачья экспедиция выступила в тот же день дальше, ориентируясь с мыса на мыс.

Полтора месяца Анисимов и Старцев не раздевались, полтора месяца они шли без отдыха на Север. Восемь дней во время снежного шторма они были погребены под снегом, четыре собаки замерзли во время этого шторма.

В дороге, едва ли не на каждой стоянке, маленький Старцев, морозя руки, устанавливал свою станцию. Дрожала антенна, звенели оттяжки... Он сидел с наушниками на лице и улыбался... Шли голоса из Европы, Москва выступала с докладами. Все это радовало, наполняло угрюмый и дикий ледник электрическими огнями, симметрическим движением, гулом авто, грохотом трамвая, ревом паровозов ... Маленький радист с нетерпением ждал голоса

„Красина". Где ледокол? Почему не отвечает на вызовы? Ведь они могут оказать только временную помощь. Главное — „Красин".

— Нету?—спрашивал Анисимов, когда Старцев устало снимал наушники.

— Не слыхать,—хмуро отзывался Старцев.

А „Красин" в это время заканчивал погрузку в Мурманске. И по правилам порта его радиостанции не работали.

В становище им. Смидовича экспедиция застала всех замовщиков больными цынгой. Они встретили спасителей хмуро, неприветливо. С первого взгляда казалось, что они имеют право на недовольство. Еще бы, оставили без снабжения, кинули без помощи... Жалуясь на свою судьбу, новый на острове промышленник Жданов сказал:

— Эх, лучше бы не ехать в эти гиблые края... Двух уже схоронили.

Анисимов казнил себя:

— ... опоздал... опоздал. Разве так надо было спешить?

Но прошло два дня. Анисимов присмотрелся, обследовал склад. В чем дело? Почему не

промышляли? Почему болели? Почему умирали?

На эти вопросы никто не отвечал, но лучше всякого ответа говорило содержимое склада. Сто пятнадцать мешков белой муки, пол бочки сливочного масла, две бочки соленой рыбы, бочка солонины, три мешка сахара-рафинада...

— Что же это вы? Как же это вы?

— Оплошали... — оправдывался старший зимовщик, тяжело больной Петр Мелентьевич Фетин. — Жена слегла, дочь слегла... Я ходил за ними, лечил... Промышлять некогда было... Вот и сам оцынжал... А теперь худо, помирать буду.

Анисимов возмущался:

— Раз жена заболела, дочь слегла, тем более нужно было промышлять... Добыли бы хоть нерпу, если медведя не могли, кровью поили бы, горячим мясом кормили бы... Выздоровели бы... Эх, вы, промышленники!

Потом Анисимов рассвирепел:

— Нет, вы мне объясните! Как у вас тут вышло? Ведь вас же, Фетиных, здесь три брата, все вы семейные... Не могли, что ли,

общий котел устроить, сообща за больными смотреть?!

— Эх, братья... — Фетин устало отмахнулся. — Не говори мне про братьев. Женки то рассорились, и братья на ихню сторону потянули... Каждый в свой горшок стал добро прятать... Каждый в своем углу хозяйство завел. А мне что? Больше других надобно? И я стал, как они, капканы у самой избы ставить... Нет, ты, Николай Николаевич, собак-то наших посмотри, собак, говорю, голубей посмотри... Шестнадцать псов мы загубили на собственных капканах... Вот до чего дошло. А как всех искалечили, уже, факт, далеко не поедешь. Не поедешь далеко за промыслом... А я старался: нерпу действительно добыл,— не стали баба с дочкой есть, интеллигентные... Не привыкли, говорят...

Люди сами уготовили себе гибель. Арктический воздух разрежен, насыщен кислородом.

И если человек неподвижен, если мало работает на свежем воздухе, пусть имеет какое угодно питание — цынга овладает им, ибо без усиленного движения и физического труда,

организм быстро перегрузится ядовитыми веществами.

Анисимов стал организовывать ходячих. Их может спасти только движение, только труд... На берегу лежит лес, пригнанный с востока и с запада запутанными полярными течениями. Почему его не собрать? Ведь он необходим, а в работе — лечение.

Но больные наотрез отказались собирать плавник.

Тогда Анисимов категорически потребовал, чтобы они съездили в этапную избу, за тридцать пять километров, где он вынужден был оставить часть продовольствия. Но промышленники и от этой обычной на Новой Земле поездки отказались. Только угрозы судом, долгие уговоры и увещания — заставили наконец двинуться в этапную избушку. Вернулись они повеселевшие, почти здоровые.

В это время Старцев наладил свою передвижку.

Он просиживал за аппаратом целые ночи. И все его призывы были направлены к „Красину".

И вот, в глухую вьюжную ночь, он вдруг получил весть:

— Алло! Алло! Говорит „Красин"! Говорит „Красин"! Идем на Новую Землю! Вступили в лед! Говорит „Красин"! Говорит „Красин"! Перехожу на приемник... Перехожу на приемник...

И Старцев тотчас же перешел на передатчик:

— Алло! Алло! Говорит Старцев! Говорит Старцев! Экспедиция на собаках из Матшара под руководством Анисимова пришла в становище Смидовича. Все зимовщики больны... Спешите на помощь. Перехожу на приемник. Перехожу на приемник.

Но перейдя на приемник, Старцев потерял „Красина". По опыту зная, что нельзя в таких случаях нервничать и торопиться, он продолжал терпеливо ждать сигнала. Анисимов стоял подле и спрашивал:

— „Красин"? „Красин"? Где они? Да говори же, где „Красин"?

Старцев кивал головой, отмахивался рукой и все старался уловить что-нибудь определенное, стройное в шипе и рипе мембраны.

— Алло! Говорит „Красин“! Говорит „Красин“! Слушайте нас, товарищ Старцев! Говорит „Красин“! Говорит „Красин“! У микрофона начальник экспедиции Шевелев. У микрофона капитан Легздин. Алло! Алло! Идем во льдах, видим полуостров Адмиралтейства. Вступаем в залив Садовского, направляемся к становищу им. Смидовича. Завидев нас, подайте сигнал огнем... Алло! Алло! Перехожу на приемник.

Анисимов опередил Старцева и стал кричать в микрофон:

— Да здравствует краснознаменный „Красин“! Ура! Да здравствует „Красин“! Ура! Ура! Ура!

Старцев отстранил его и спокойно сказал:

— Подожди, Николай Николаевич. Тут дело нужно, а не „ура“.

Взяв микрофон, он сказал:

— Ждем вашего прихода. Огонь будет зажжен... Счастливо, товарищи. Настройку сохраняем. Дежурю у аппарата. Ждем... Счастливо!

Старцев снял наушники и гоголем стал ходить по тесной комнатушке. Точно его заслуга не в том, что он связался с „Красиным“, а в

том, что он его создал, построил. Вдруг он кинулся к двери...

— Куда? — схватил его за руку Анисимов.

— Людей обрадовать. Пусти!

— Стой, брат! Ни с места! Ты что, от радости с ума спятил? Ни слова! Шутишь?! А если „Красин“ не пробьется? Ты эдак все, что я наладил, двумя словами развалишь... Им только скажи, сразу же работу бросят... А потом вдруг выйдет полундра и „Красин“ застрянет... Что тогда?

— Это правильно, — согласился Старцев.

Но ему не сиделось. Он одел малицу, перекинул через плечо перевязь фотоаппарата, повесил на шею бинокль и вышел из дому.

Гора начиналась прямо за домом. Он стал медленно и ровно подыматься на крутой, обледенелый склон, пока его фигурка не превратилась в точку.

Казалось, он видит дымок над горизонтом, чудилось — доносится рев пароходной сирены. Он сбрасывал капюшон — оставался сплошной гуд верхового ветра... Никакого дыма.

Анисимов ждал внизу.

— Видать? — кричал он спускающемуся Старцеву.

— Еще рано, — спокойно ответил Старцев, спускаясь на четвереньках с последнего ледяного уступа.

Он прибрал комнату, проверил радиоустановку, одел наушники и стал терпеливо ждать.

Уже стемнело, когда в микрофоне раздалось:

— Говорит „Красин"! Говорит „Красин"! Я, Юдихин! Начальник экспедиции просит утром зажечь огонь против фарватера. Входим в залив Садовского, точных промеров нет... Узнайте фарватер у зимовщиков, пусть покажут, как проходили пароходы... Огнем поможете отыскать проход меж банок. Перехожу на приемник. Перехожу на приемник.

Старцев поспешил ответить, что понял все, что они немедленно выяснят фарватер, что огонь будет зажжен в нужном месте. Они поедут навстречу и укажут путь.

— Перехожу на приемник! — закончил он. — Перехожу на приемник. Но едва он вооружился наушниками, как в мембранах послышалось:

— Алло! Алло! Говорит мыс Желания!

Говорит мыс Желания! Вызываем „Красина“! Вызываем „Красина“!

Потом он услышал голос главного радиста „Красина“ Юдихина:

— Я „Красин“! Слушаю вас, мыс Желания! Товарищ Старцев, не отходи от аппарата. Слушаю вас, мыс Желания!

— Говорит мыс Желания. Мыс Желания! У нас застряли Ермолаев, Петерсен и немецкий ученый Велькен. Велькен! Они просят прислать за ними самолет, чтобы доставить их в Русскую гавань. Что передать?

— Подождите, — ответил Юдихин, — я послал вахтенного за начальником экспедиции... Не отходите от аппарата. Слушай меня, товарищ Старцев! Передам начальнику экспедиции, что все будет исполнено... Утром увидимся... До скорого свидания. Счастливо! Все!

— Счастливо! — ответил Старцев, но наушников не снял. Он делал большие глаза пыхтевшему в нетерпении Анисимову, жестами объяснял, что разговор идет о севере, о самолете, но тот ничего не понял и с досады выругался.

— У микрофона начальник экспедиции Шевелев! Шевелев! — услышал Старцев через минуту и насторожился. — В зависимости от ледовых условий самолет будет послан либо из становища Смидовича, либо из Русской гавани. Полетит Борис Григорьевич Чухновский. Найдите и отметьте на льду посадочную площадку.

Старцев сорвал с головы наушники и торопливо рассказал слышанное Анисимову.

Анисимов прошел в комнату, где лежал больной Петр Мелентьевич Фетин и осторожно начал расспрашивать о фарватере. Разузнав все до мельчайших подробностей, он, не медля ни минуты, запряг своих собак, подъехал к складскому сараю, выкатил из него большую бочку нефти, припасенную для моторного бота, взвалил ее на сани и в темноте спустился на лед залива. Всю ночь Анисимов дежурил на ледяном мысу, а Старцев, не смыкая глаз, просидел у аппарата. Под утро он не вытерпел и по свежим следам Анисимова поехал за ним. На, всякий случай он вез с собой примус, чай, хлеб, масло, консервы.

Уже светало, когда он нашел Анисимова, выплясывающего гопак возле бочки с нефтью. Собаки мирно дремали, накрывшись хвостами. В мареве рассвета, возникшем в самом заливе, ничего не было видно. Старцев разжег примус, вскипятил снег и напоил Анисимова горячим чаем. Согревшись, Анисимов взлез на горб мыса, вооружился биноклем и стал водить им по полукругу, замыкавшему выход из залива.

— Жги огонь! — закричал он и торопливо соскользнул с обледенелого склона.

— Они выбили у бочки дно, разбили его в щепы, облили нефтью и зажгли от примуса. Сразу же вспыхнуло яркое пламя. Они щедро подливали нефть. Огонь то падал, то вздымался мощными гудящими струями.

В прояснившемся воздухе, над приземистым чорным корпусом „Красина“ дымили две высокие желтые трубы. Анисимов и Старцев подняли собак и помчались навстречу.

5

ФЕТИН ЗАГНУЛСЯ. АЭРОСАНИ — АЭРОСАМИ

У борта — цыганский табор. Громоздятся ящики. Грызутся собаки. Каюры разбирают упряжки. Маленький самолет на льду, для спуска большого готовят мостки, бревна обшивают досками.

С левого борта спускают аэросани.

Доктор Чечулин появляется в кают-компании, чтобы доложить капитану об отъезде в становище. Он уезжает на первой упряжке с Сергеем Прокофьевичем Журавлевым.

На второй упряжке едут Морозов и начальник снабжения Морзверпрома Орлов. Пред-

ставитель архангельского краевого исполкома Корионов терпеливо ждет, пока пустят аэросани.

В кают-компании Анисимов просит начальника экспедиции Шевелева:

— Марк Иванович! Я вот отдохнул уже, подкрепился... Разрешите мне на собаках вернуться в Матшар... Там без меня работа стоит.

Но Марк Иванович непреклонен.

— На обратном пути будем в Матшаре раньше, чем вы дойдете туда на собаках... Это раз! Второе, ваши упряжки нам нужны.

— Но... все-таки...

— Никаких „все таки". Ясно. Договорились?

Анисимов долго парился в ванне, не знал, как сладить с паровиком, звал на помощь... Фыркал, плескался, горячо отдувался и, наконец, снова появился в кают-компании, красный, потный, разопрелый...

Доктор Меркулов, заменявший старшего врача, поднес Анисимову шестьдесят грамм спирта. Дозу эту он тщательно измерил мензуркой и взвесил аптекарскими весами. Не

просто спирт, а „спиритус-вини", медицинский продукт. Но Анисимов, очевидно, давно не пивший спиртного, принял лекарство, не кривясь, даже не взбалтывая и не размешивая. Он просто опрокинул стакашек, крякнул и закусил, понюхав корку хлеба.

Придя из ванной, Старцев повторил его прием. Выпил, похвалил и сказал, что без медицины в Арктике очень трудно.

Адам Петрович Рундан показался в дверях кают-компании:

— Товарищи, аврал! Все на верх! Самолет спускать!

Обескрыленный „ЮГЕ" был свободен от пут. Борис Григорьевич Чухновский руководил спуском. В хвосте укрепили тросс от брашпиля. Шаси обмотали толстыми канатами.

За самолетом на руках спустили двадцатидвухметровые крылья. Морозя руки и носы, летный состав принялся за монтаж самолета. Николай Михайлович Том то держал гаечный ключ, то подавал примусную лампу... Помогал чем мог.

Донец „обыгрывал" спуск и сборку. Он

снимал самолет сверху и снизу, в профиль и анфас.

Из-за левого борта донеслось несмелое фырканье. Вскоре оно превратилось в рев. Аэросани выехали вперед и, описав круг, степенно подошли под погрузку. Корионов помог втащить ящики, мешки, Коростылев объявил, что груза достаточно. Добровольный помощник Коростылева — молодой машинист Михайлов — вскочил в сани уже на ходу и захлопнул за собой дверцу.

Аэросани пошли было по лыжнице, оставленной собачниками, потом круто взяли вправо и помчались целиным льдом настолько быстро, что мгновенно превратились в подвижное пятнышко у далеких гор. Перемахнули горло и исчезли за уступом.

Вскоре раздался треск мотора и с правого борта. Маленький самолет пробежал сорок-пятьдесят метров по льду и взмыл. С палубы следили за его полетом. Сначала самолет болтало ветром, потом машина взяла высоту и пошла ровней.

Летчики вернулись через пятнадцать минут

и сообщили, что дальше к северу чистая вода. Братья Глеб и Виктор Косухины, Николай Жуков — радист-наблюдатель и проворный Проворихин в это время ладили большой „ЮГЕ“, Борис Григорьевич сидел в кабине водителя.

— Контакт!

— Есть контакт!

Виктор Косухин дергал пропеллер, а товарищи, взявшись за руки, оттаскивали его в сторону раньше, чем пропеллер начинал вращаться.

Работает один мотор, но капризничает другой, новый, установленный уже на борту ледокола. Его разбирают, чистят на морозе, потом долго отогревают... Пока его пускают в ход, замерзает первый мотор.

Михаил Иванович Денисов — первый механик „Красина“ приходит на помощь. В нем крепко бьется рационализаторская жилка. Он проводит шланги из машинного отделения и пускает прямо в моторы горячий пар. Моторы быстро нагреваются. Из ванной корабля носят горячую воду.

Она остывает раньше, чем попадает в радиаторы.

Собаки вернулись из становища, примчали и аэросани. Погрузка идет полным ходом. Аэросани снова уходят и исчезают еще скорей, чем в первый рейс. Пассажиры не нахвалятся:

— Подумать только, какие торосы одолевали... Ну и машина.

Через двадцать минут аэросани возвращаются. Из них выходит толпа цынготных. Мужчины, женщины, дети... Тринадцать человек. Каким образом в этом небольшом ящике может поместиться столько народу?

К вечеру и люди и собаки едва тянут ноги. Ночь приносит желанный отдых. Но после чаю всех свободных от вахты приглашают в кают-компанию на собрание,

Марк Иванович приступает прямо к делу.

— Здесь,— говорит он,— все больны. В каком же положении становище Архангельской губы?! Тут оплошали старые промышленники, а в Архангельской, в Русской гавани, не забывайте, зимуют строители. По плану у нас стоянка четыре дня, но мы решили завтра же

итти на север. Ледовая разведка дала хорошие результаты. Мы дойдем быстро... Но если будем возить, как возили сегодня, завтра работы не закончим. Поэтому, как вы считаете, товарищи? Может ли команда в авральном порядке на себе закинуть продовольствие хоть до того мыска, где огонь был... Если мы забросим семь тонн, то до становища собаки быстро перетаскают, и мы уйдем завтра ночью или послезавтра на рассвете.

Рулевой Корельский попросил слова:

— Какие могут быть разговоры? Я думаю, можно писать в протоколе: „единогласно постановили забросить продукты на себе...“

— Может быть, есть другие предложения?

— Нет! Нет! Нет...

— Значит, утром, по авральному сигналу— все на верх.

— Есть!

Люди разошлись по своим кубрикам и каютам.

С утра поданы под погрузку шестеро саней, запряженные людьми. Аэросани уже скрылись в белом тумане, спустившемся с гор. Большие

бочки с квашеной капустой, с подсолнечным маслом сползают с палубы на крановых тросах. Пятнадцать человек берутся за канаты.

— Взяли! Эй, взяли! Дружно, взяли!

Тяжело груженные сани скрываются в студенистой дали. Только говор доносится издалека да выкрики:

— Веселей! Поднажмем! Взяли, взяли!

Обратно шли налегке. Порожние сани болтались сзади. Ветер прилег и силуэт ледокола четко вырезывался на горизонте. От борта оторвались белые дымки, долетел ружейный треск.

— Салют, что ли?

— Нет, это не салют,— отозвался редактор стенгазеты Рыдалевский.— Это хоронят Петра Фетина. Загнулся (умер) старик под утро.

Зашагали чаще. Навстречу — сани. На санях промышленник Долгобородов. Под ним — гроб, покрытый кумачем. Сзади на лыжах, с винтовками, сорок матросов.

Снег силен — лыжи не скользят. Люди вспотели. Все сорок сдали лыжи нам, на порожние сани.

Серега Журавлев догнал нас и остановил собак. Снял шапку...

— Эх, есть еще в Арктике жертвы! — Крикнул на собак, вскочил на сани и умчался. Здоровенный дог прыгал сзади, громким лаем будоража окрестность.

Снова нагрузили сани, поволокли во второй раз к мысу. Рыженькая собаченка увязалась за нами. Долго болталась под ногами, стараясь занять место в упряжке, потом побежала вперед. Дождавшись нас, она неодобрительно качала головой и снова убегала вперед. Потешный песик смешил нас всю дорогу.

А „ЮГЕ“ все еще стоит распластанный у борта. У Бориса Григорьевича посинело лицо. Мороз — минус семнадцать, ветер — шесть баллов. Трудно и больно работать без рукавиц. А в рукавицах работать нельзя.

Ночь лезет в отверстия иллюминаторов. Утром уходим. Но где же аэросани? Ушли два часа тому назад и не вернулись. Из ветренной дали рвутся громы. Взрывают аммоналом почву для могилы. С санями что-то случилось... И впрямь:

— Аврал! Аврал! Все наверх!

Марк Иванович объясняет, что нужно сейчас же, ночью, итти за аэросанями. Иначе утром не выйдем.

Во мраке тонут силуэты, голоса. Арктика, голая, лежит перед ледоколом. Неприютно, холодно, тихо... Пока сзади виден огонь „Красина", ориентируешься по ледоколу. Огонь тускнеет, растворяется во мраке. Один шагаю вперед. Где-то далеко впереди аэросани.

Час, два часа... еще пятнадцать минут... Значит, траверс мыса пройден. Будет три километра торосов. За ними — сани.

Некуда поставить подошву. Ямы и глыбы, глыбы и ямы. Темно. Спотыкаешься. Дышать все трудней. Погода может перемениться. В этой одежде не заляжешь в снегу.

— Сани! Э-э-э-э-гей, сани!

Ухом вникаешь в ночь. Трубит в горах пустота. Или то ветер дебоширит в ушной раковине?

— Э-э-э-э-гей, сани! Са а-а-а-ни!

— Чего кричишь? — спокойный голос из близкого мрака.

— Сани зову.

— Разве ты знаешь, куда итти?

— Нет, не знаю!

— Давай кричать вместе!

— Э-э-э-э-гей, сани! Са-а-а-ни!

Крик подхватывают справа, слева — отовсюду.

Мрак кричит сотней голосов.

— Э-э-э-гей, сани!

И во мраке расцветает пламя.

Далеко впереди машут факелом. Факел гаснет.

Опять один. Шагаю по торосам.

Начинает казаться, что всюду вспыхивают факелы. Хороводят искры.

— Сюда... Сю-у-да... Сюда! — Что это, ветер? Голоса?

Валишься на торосы, выгребаешь из ям...

Говор, огоньки папирос... Вышел как-раз к саням.

— Ну, добрый вечер.

— А, товарищ писатель пришел? Добрый вечер, товарищ писатель.

— Никакой я здесь не писатель! Член экспе-

диции, явившийся по авральной тревоге. А кто здесь старший?

— Все старшие.

— Миша Зыбин? Здоров, здоров... По голосу узнал...

— Что так долго помощи нет? Холодно... Шли с похорон, сани стоят в стороне... Чего им стоять? Давай посмотрим... Подошли, а они скисли... Послали за подмогой. Коростылев пошел на берег, завернуть, кто на похороны ходил. Мы ввосьмерем тащим часа три. Тяжелые, чорт!

— А я уже здесь... Давно здесь... Опоздали...

— Это вы, цирус? Циклончик дорогой, отняли у меня первенство. Ну, не будем из-за него ссориться.

— Никакого расчета нет,— соглашается цирус, он же Казимир Романович Олевинский, маленький гидролог с большими усами, совершающий свое тридцать седьмое арктическое плавание.

— Ну, взяли, а то замерзнем.

Миша Зыбин впрягается в корень, Казимир

Романович в пристяжку, я, как тяжелая артиллерия, подталкиваю сзади, остальные подхватывают канаты где кому удобнее, начинаем шевелить сани. Отрываем ото льда, толкаем, дергаем; машина приобретает ход.

Из тьмы выделяется фигура, другая... Нас все больше и больше. Все веселей идут сани. Но нужно вести их в обход торосов. Через торосы не перетащить.

— А и жрать охота.

— Дома наедимся,— успокаивает Миша Зыбин.

— А повара догадаются оставить?

— Уж не вылью т,—отзывается другой.— Отсекр не ел, а молчит.

— А я разве что говорю?

Из тьмы выплывает толпа. Тянуть все легче и легче. С моря навстречу рвется луч прожектора. Песня сама просится, слова безыскусственные, примитивные. Но они близки всем, кто надрывался в ту морозную ночь на льду Баренцова моря.

Давим лед,
Идем вперед.

Нелегка дорога ...
Берись дружней,
Работай злей,—
Осталось уж немного.

Флот наш красный
Нами красен.
„Красин"! — каждый знает,
Если путь опасен,
Идет вперед наш „Красин",
Никто не подкачает.

Давим лед,
Идем вперед.
Осталось уж немного.
Берись дружней,
Работай злей,—
Нелегка дорога.

Движение все ускоряется. Начинаешь понимать, что такое коллективный труд. На каждого приходится каких-нибудь десять килограммов. А когда еще одна толпа, предводительствуемая Адамом Петровичем Рундан и третьим помощником капитана Степаном Парфеновичем Шилиным, вливается в наши ряды,— работа ложится на восемьдесят пар плеч. Тянуть сани легче, чем итти порожнем.

Сима Маслеников, помощник кинооператора Донца, заявляет:

— Это дело не должно пропасть. Это дело надо заснять.

— А магний у тебя есть?

— Обойдемся без магния.

Мигом из какого-то шеста и обтирки сооружаются факелы, обмакиваются в бензин; яркое пламя факелов и ракет озаряет лохматую толпу.

— Готово! — говорит Сима, — сделано.

Последние двести метров подхватили на „ура". Точно в наступление. Сани у борта. Доктор Чечулин подносит каждому шестьдесят грамм аврального спирта.

— Да, хорошая вещь медицина. Ничего не скажешь...

Утром подняли аэросани на борт. Укрепили на площадках самолеты и тремя гудками простились с заливом Садовского.

6

АРХАНГЕЛЬСКАЯ ГУБА. АЭРОИЗВОЗЧИК ИСЧЕЗ

Опять с трех сторон надвигаются горы. Среди торосов движутся три точки.

— Никак люди! — восклицает Сергей Журавлев. — Люди и есть.

Все знают его зоркость. Никто не смеет спорить.

Точки действительно удлинены по вертикали, заострены и двигаются навстречу.

Белый клубок отрывается от медного гудка. Низкий рев разносится по обледенелому морю. Долго потом из-за гор откликается эхо.

Едва спустили трап, Сергей Журавлев вы-

тащил собак, запряг в санч и умчал навстречу странным путешественникам.

Медленно тает на морозе время. Никто не уходит с палубы. В бинокли видно, как Журавлев усаживает трех путников. Собаки тянут еще медленней: торосы груз большой.

Через час по трапу за Журавлевым поднялись три человека. Двое в меховых малицах, с винтовками. Третий в ватной куртке, с топором под мышкой.

— Как у вас? Много больных? — В голосе Марка Ивановича явная тревога.

— Больных? — переспрашивает большой человек, с лицом, посеченным ветром. — А с чего им быть, больным-то?

— Как? Разве вы не навстречу шли?

— Мы не ждали вас в эту пору. За медведем третий день гоняемся. Вас увидели, известно — обрадовались, в гости вот пришли.

В кают-компании за чаем разговор.

— У нас, — сказал человек с иссеченным лицом, — промысел неважный. Хитер больно песец... Пока приваду возьмет, месяц и два кругом капкана ходит ... И промыслили мы пока

всего шестьдесят штук. Медведя мало. Четырех взяли... Этот пятый будет. Далеко не уйдет... Становище наше новое и собак мало. Ходим по неделе и по две — жилья не видим... Ну, у нас тут на острове землянка сделана, там и припас на случай чего сохраняется...

— А как у вас с продуктами?

— А как с продуктами? Да помаленьку живем... Муки белой и черной хватит до осени. Масло есть. Гольца несколько бочек осталось с весны. И солонина есть... Мы медвежатиной подкрепились, все работаем, зиму пережили черную, а теперь и солнышко пожаловало, скоро засветит без отдыху... И вы к нам пожаловали, спасибо... Никак не ждали в эту пору! Никак!

Сразу же начали возить запасы в становище, километров за восемнадцать. Собаки умчались первыми. Аэросани готовились к отходу. Им заменили мотор,— старый на старый.

Собакам больше одной ходки в день не сделать. По этой дороге пятнадцать пудов на сани, больше не возьмут. Сколько же времени надо возить десять тонн? А впереди еще Русская

гавань, мыс Желания, бомбардирующий радиограммами:

— Шлите самолет! Самолет!

Люди сами явились в полной походной готовности. Ватные куртки, меховые шапки, шерстяные рукавицы да валенки — вот и все полярное снаряжение.

Высчитали, что на людях и на собаках весь груз можно перебросить в два дня. Аэросани превратились в „аэросами".

Но товарищ Коростылев настойчиво морозил руки: все ладил инвалидный мотор.

Марк Иванович ходил вокруг саней и поговаривал:

— Прекрасная штука. Эх, если бы новый мотор.

На помощь пришел Матвей Ильич Козлов. Он освободил свой маленький „У2" от пут, захватил его петлей тросса и подал знак. Самолет плавно спустился в объятия борт-механика Виктора Чечина.

Козлов и Чечин повозились минут двадцать, и мотор-работяга заржал, как жеребенок, выпущенный в поле. Матвей Ильич положил на

свое сидение ящик с яблоками, Чечин уселся на мешок с сахаром... Контакт, газ — и „У2“ пошел.

На мою долю выпала почетная обязанность: следить в бинокль за самолетом.

— На случай вынужденной посадки, знаете,— сказал Борис Григорьевич Чухновский.

Каждые тридцать минут „У2“ появлялся над ледоколом, спускался, брал сто пятьдесят кило груза и снова улетал в становище.

Козлов и Чечин сидели на клюкве, возили и квашеную капусту. Корову переправили в два приема.

Огромному Виктору Чечину приходилось не сладко.

Он сидел скорчившись, чтобы как-нибудь не пробить головой верхнюю плоскость.

После каждого полета, в коротенькие минуты погрузки, Козлов и Чечин бегали в кают-компанию хлебнуть чего-нибудь горячего. Лица их с каждым полетом чернели все больше. Тринадцатый полет. Седьмой час я мерзну на палубе. Неужели надо мной подшутили? Я слышу в кают-компании звуки пианино. Борис

Григорьевич прекрасно играет. Либо надо мной смеются, либо обо мне забыли. И в том и в другом случае можно спуститься и выпить чаю. Все равно вечереет — видимости никакой.

Я сижу за длинным столом кают-компании и пью горячий чай, щедро приправленный клюквенным морсом. Все пьют чай. Борис Григорьевич переходит на рапсодию Брамса. Начинается пытка. Разрозненные аккорды упорно не хотят строиться в мелодию, — они то оглушают, то царапают слух, то дразнят...

Нужно удивляться нюху Бориса Григорьевича. Куда только ни прятали ноты этой рапсодии? И в чрево пианино, и в оббивку дивана, и в чайник... Борис Григорьевич всегда находил ноты и, видимо в наказание, принимался разучивать рапсодию с еще большим рвением.

— Борис Григорьевич! Да вы сыграли бы что-нибудь такое, знаете, веселенькое... Согласитесь сами, скучно ведь...

Тонкие пальцы нацеливаются, изгибаются... По низкой каюте торжественно плывут звуки Бетховенского траурного марша. Они сгущаются под сводом и рыдают во всех углах...

И тени сгущаются, точно слушают, сгорбившись, и люди опускают головы...

Один Борис Григорьевич весел. На лице его такое выражение, точно он играет фокс-трот.

— Что-то самолета давно нет, — вспоминает кто-то.

Борис Григорьевич обрывает мелодию...

— И в самом деле.

Он быстро одевается и выходит на палубу. Кают-компания пустеет.

Звезды наливаются, горизонты придвигаются к бортам.

Самолета действительно нет. Люди разбиваются на группки, шепчутся.

— Где Кальницкий? Яков Исакович, где сел самолет?

Что я могу ответить?

— Борис Григорьевич, да ведь он летал по расписанию. Тринадцатый раз пошел... и вдобавок темно... А я замерз...

— Собак, как на зло, нет, — бормочет он.

Не хочется думать, что в эту морозную ночь наши товарищи лежат где-нибудь на скалах, окровавленные, разбитые, среди тлею-

щих обломков самолета и последними мыслями устремляются к нам, ожидая нашей помощи... Гонишь из головы эту мысль и в то же время отлично понимаешь, что такая возможность совершенно не исключена. Приходишь в бешенство от собственного бессилия. Но выход один: ждать утра.

Настроение все падает. Я опускаю голову ниже всех, точно я единственный виновник несчастья.

Вдруг — топот ног. Крики...

— Летит! Летит! Самолет летит!

Все мчатся на палубу. Без одежды, с открытыми головами... Дрожа, всматриваются вдаль. Жужжит, но еще не видно. Вот, как летучая мышь, что-то пронеслось над нами, вот „У2" опускается у правого борта... Но почему он окривел? Что это за веревка болтается сзади?

На черном лице весело сверкают зубы Матвея Ильича.

Чечин с трудом выбирается из самолета и обидчиво говорит:

— Полундра маленько... Аммортизаторы загнулись, и машина скисла... Пришлось,

значит, на морозе связывать... Сразу не свяжешь. Вот и задержались...

Эх, братья-товарищи! Да вас бы поднять над новоземельскими горами, как знамя, и сказать всему миру:

— Глядите, это наши летчики! Это обыкновенные работники Страны Советов.

Но у нас в быту мало внешнего пафоса. Это был простой полярный трудовой быт. Да и сентиментальничать стыдно. Матвей Ильич за чаем горячо отбивался от похвал, на меня даже обиделся, когда я сказал:

— А вот написать это в книжке, и не поверят...

— Да что же тут особенного? О чем писать? При чем тут я и мои личные качества? Просто повезло...

— Да мне-то не повезет...

— Так у вас по своей линии, у нас по своей... У каждого своя работа.

— Но, позвольте... Ведь вы отморозили себе нос и подбородок?

— Возможно... Но и в этом никакой заслуги нет.

Александр Сергеевич Чечулин ставит на стол графинчик со спиртом, уходит и вскоре возвращается с баночкой вазелина.

— Ну-ка, Матюша, и ты, Виктор, помажьте себе мордочки...

— Александр Сергеевич, да вы посмотрите, пальцы опухли или только кажется мне?

— Э, батенька, да у вас, дорогой мой, пальцы здорово поморожены.

— А чего делать? — спрашивает Виктор Чечин.

— Мазь приготовим...

Борис Григорьевич снова принимается за свою рапсодию. Николай Том философствует, а Григорий Донец, его помощник Масленников и оба наши врача садятся в „уют-компании" за поккер. Разменной монетой служат круглые жестянки.

Александр Петрович Гальцов вывешивает очередную синоптическую карту.

Казимир Романович Олевинский жестоко бьет на шахматной доске Льва Викторовича Антонова.

Матвей Ильич полощет горло и идет при-

нимать морскую ванну. Из экономии он только один раз за весь рейс мылся пресной водой.

Борис Григорьевич захлопнул крышку пианино.

В награду за терпение он угощает чесноком. У него чеснок всегда в кармане.

Появляется капитан и занимает свое место во главе стола. Он курит папиросу за папиросой и говорит:

— А мы уже собирались вас искать...

Виктор Чечин отвечает:

— Не пропадем... Ничего не случилось... Аммортизаторы маленько... И пальцы начинают болеть...

Олевинский и Антонов закончили партию. Теперь сражаются Шевелев и Чухновский— лучшие наши шахматисты. Они подолгу думают, партия их тянется бесконечно. Но любители смотрят, не расходятся.

Под утро в кают-компании суета. Слышно, как накрывают стол, кипятят в паровом кубе чай.

У нас гости. Капитан угощает чаем брюнета, одетого в костюм типа а-ля комиссар эпохи военного коммунизма и маленького ненца, на

котором серебрится нерпичий жилет. Оказывается, люди эти только-что прибыли на собаках из Русской гавани. Научные сотрудники станции: Зубков и ненец Яша Ардеев— аспирант Арктического Института.

Подобно Анисимову, выступившему с юга, они выступили с севера, чтобы помочь недоснабженным становищам. Анисимов проплутал больше тысячи километров, они успели пройти только двести.

В Русской гавани все благополучно. Началась было цынга среди сезонников, невольно зазимовавших на острове. Но станция помогла продуктами, организовала артельное довольствие, двинула на сбор плавника, — цынга была задушена в зародыше.

Гости пьют чай, закусывают. Рассказывают, что станция осталась без руководства. Ермолаев, Велькен и Петерсен ждут нашей помощи на мысе Желания. Если мы их не доставим в Русскую гавань, им придется сидеть на мысе Желания до августа, а может быть, и до осени следующего года. Пропадет научный год, а то и два.

Зубков рассказывает, как Яша Ардеев пролежал сутки в снегу. Он свалился во время мятели со своими собаками с высокого обрыва. Отлежался, пришел в себя и вернулся на станцию... Неделю лежал, потом хворал еще неделю на ногах...

— Как же это вышло?

— У нас было условлено, — говорит Яша,— что если на второй день не будет радио с мыса Желания о прибытии, значит, я на собаках еду по леднику. Я поехал, а тут погода разыгралась... Ну и свалился...

Утром пошли аэросани. Собаки повезли полторы тонны. Люди впряглись в сани и взяли остальное. Вечером вышли из Архангельской губы.

7

РУССКАЯ ГАВАНЬ. ПЕРВЫЙ МЕДВЕДЬ ЗАМУЧЕН. СЖАТИЕ ЛЬДА

Битый, блинчатый лед, старый пак и сплошные поля сзади. Ледокол врезывается в припай и останавливается в восьми километрах от становища. Научная ледовая станция от него еще в четырех километрах, через залив.

Сезонники достраивают второй дом. Промышленники на единственной упряжке ездят от капкана к капкану. За всю зиму было только одно несчастье. Молодой парень, приехавший сюда работать по установке дома, отморозил на руках все пальцы. Он ходил за

каким-то делом на станцию, на обратном пути поднялась буря.

Все исчезло в снежном вихре. Парень потерял направление и сбился с пути. Потом, карабкаясь на какую-то гору, не заметил, как рукавицы соскользнули с одеревяневших рук. Всю ночь не присаживался. Он знал, что если сядет, больше не подымется.

Утром, когда буря улеглась, он увидел под горой зимовье. Вскоре пальцы опухли, стали нарывать... Опухоль всползла выше, температура поднялась до сорока, а руки превратились в сплошной гангренозный гнойник. Тогда он вторично пошел на станцию, и здесь Зубков, ботаник, отрубил ему финским ножом все десять пальцев.

Парень выздоровел. Пальцы, закупоренные в банку, наполненную спиртом, доктор Чечулин взял для передачи в какое-то специальное учреждение.

— Придется итти в сторожа,—сказал пострадавший, когда ему показали банку с его гнилыми пальцами. Свистеть-то я еще умею...

Отсюда мощный „ЮГЕ“ должен лететь на

мыс Желания. Русская гавань последнее становище перед мысом Желания.

Снова аврал, часть людей возит в становище грузы, другая часть ладит мостки для спуска самолета. Маленький „У2“, совершенно восстановленный, стоит у борта. Начинают распутывать „ЮГЕ“.

Собаки задрали хвосты и потащили свою долю груза.

Сезонники перебираются на корабль. Становится тесно. Больные заняли санитарную каюту и столовую команды, сезонникам настилают нары в теплом трюме и отдают все свободные койки в кубриках.

В красном уголке готовятся к вечеру самодеятельности. Предкульткома—комсомолец машинист Ларионов — является с тетрадкой в которую занесено все подлежащее осмеянию.

... Предсудкома Денисов — хороший парень, только видно переутомился, когда нужно было тянуть сани, Денисов не пошел второй раз с корабля... Устал на похоронах. А это не отговорка. Предсудкома всегда должен быть впереди.

... Кочегар Жора Гусарский ходит вечно сонный ...

... Кок, когда люди приходят с авральной работы, чтобы не показать, что забыл оставить для них обед, доливает суп водой ...

... Аэросани хороши, да в Арктику нужно давать самые лучшие моторы, а не забракованные авиацией ...

... Помощник повара заявляет, что ему легче сутки говорить, чем начистить ведро картофеля ...

И далее, и далее,— все в этом же роде.

— Хорошо, товарищ Ларионов. Я обмозгую, хоть и не поэт, сделаю частушки ... Может и получится что-нибудь ...

— Ну, ты на то писатель ... Обязательно сделай, и товарищ Зыбин просил.

Но после марша с грузом в становище, конечно, ничего нельзя написать,— не только в стихах, но и в прозе не пишется. И так приятно растянуться на койке, чувствовать, что сон вытягивает боль из усталых суставов.

Но в коридоре шаги, голоса:

— Медведь по борту!

Медведь! Да, ведь, какое бы это было арктическое путешествие, если бы не пришел этот медведь?! Умный медведь, толковый и любезный гражданин ледяной республики.

Он шел метрах в двухстах от нашего носа, перпендикулярно положению корабля. Важно выступая, он переваливался с ноги на ногу. И во всей его фигуре была разлита огромная сила, сознание своего господства и уверенность в своих правах.

Откуда-то, из большого далека, он заметил в своих владениях беспорядок. Раз взяв направление, он шел прямым курсом на груду ящиков и бочек, вынесенную вперед по носу ледокола метров на двести.

Сергей Журавлев с Манлихером в руках ждал гостя под самым носом ледокола. Жестами он удерживал устремлявшихся к медведю энтузиастов.

— Сссстой! — шипел он. — Куда?! Сгонишь к чортовой матери... он сюда идет! Сссстой!

Никто не смел ослушаться опытного охотника и у носа столпилось много народа. Док-

тор Чечулин вогнал патрон в ствол. Я приладил боевой маузер к колодке.

Наш немой хор, руководимый Сергеем Журавлевым, в нетерпении топтался у носа ледокола.

Но мимо нас, поддерживая штаны, пробежал кто-то, безоружный, на одной ноге сапог, на другой — калоши. Он весь был развязан, расстегнут. Какие-то тесемки свисали с головы, тянулись за штанами... Он не обратил внимания ни на шипение, ни на жесты Журавлева; кинулся наперерез медведю, прямо под ветер.

— Что будешь делать с таким человеком!? — горестно воскликнул Журавлев.— Ведь прогонит, дьявол косолапый...

И, действительно, медведь остановился, почистил лапой нос, потянул воздух и пустился вскачь под прямым углом от нас.

Пока Журавлев и Чечулин досылали патроны, три пули из маузера уже провизжали над ледяным полем. После каждого выстрела медведь только встряхивался и прибавлял ходу.

— Разве его через корму убьешь?—крикнул

Журавлёв, плюнул и полез на палубу.— Что будешь делать с таким народом?

Толпа растянулась далеко по льду. Многие, кто помоложе и попрытче, были далеко. Но им не догнать зверя.

Яша Ардеев, подъехавший было к медведю на собаках, чтобы убить его по местному обычаю одним выстрелом, увидев такой исход охоты, остановился и освободил от упряжи двух своих лучших собак. Опытные псы обнюхали след и, задрав хвосты, помчались за медведем. Они быстро опередили людей и черными мячиками подкатились к зверю. Вот эти мячики вьются вокруг его лап, вот они повисли на окороках.

В бинокль хорошо видно: медведь вертится, отбивается.

А собаки — одна спереди, другая сзади—не дают ему ступить. Гигант — хищник, ростом с хорошего быка, мечется, мотается из стороны в сторону, а собаки ловко хватают его зубами то там, то тут. Люди все ближе и ближе... Завидев людей, медведь снова пускается наутек, лайки висят на нем, как пи-

явки, и он вынужден остановиться. Люди приближаются вплотную.

Часто гремят выстрелы. Стреляют со всех сторон.

И вот уже нет медведя, густо сбилась толпа, собаки прыгают вокруг толпы, стараясь пробраться к своей жертве.

Его волокут к кораблю. Кинооператор Донец „набирает“ „мировые“ кадры. Он „обыгрывает“ медведя со всех сторон. Снимает его лежащим, стоящим, с группой охотников и со сделавшим последний выстрел вторым помощником, Павлом Ивановичем Афанасьевым, и с девочкой, выздоровевшей уже от цынги, на голове. Кадры получились прекрасные.

Вечером в кают-компании — самодеятельность. За занавесью — один из молодых машинистов. Над занавесью болтался ярмарочный Петрушка. Он пел пискливым голосом:

„Как медведя увидали,
Все с оружьем побежали...
Эх, ребята, поднажмем,—
Не охота, а погром...
Предсудкома Вася Денисов —
(однофамилец старшего механика)

Первым ударником у нас записан.
А как с санями случился аврал,
Товарищ Денисов ударно удрал"...

К счастью, Петрушка пел так невнятно, что все смеялись, но никто не обиделся.

Утром „У2" вылетел в ледовую разведку. „ЮГЕ" питается паром от котлов, но до полета еще далеко. Товарищ Зыбин, только-что принявший после вахты ванну, о чем-то разговаривает с Чухновским. Лицо у него серьезное и хоть говорит он спокойно, но видно, что волнуется...

Потом выяснилось, что молодой отсекр, понимая как ущемлено самолюбие летной группы, требовал от Бориса Григорьевича в порядке партийной дисциплины слова коммуниста, что самолет не полетит до тех пор, пока не будет совершенно готов к полету и только при благоприятных метеорологических прогнозах.

В тот день свободные матросы, члены экспедиции и свободные летчики сделали по три-четыре ходки с грузом. „Красин" может уходить.

Но как быть с Ермолаевым, Велькеном и

Петерсеном? Чуть ли не каждые два часа они напоминают по радио о своем существовании.

Летчики уверяют, что они полетят. Им только еще немного повозиться... Проклятый холод задерживает... Моторы замерзают чуть ли не на ходу. Они непременно полетят...

Борис Григорьевич целые часы мерзнет у самолета. Летный состав, подкрепленный Томом, самоотверженно работает над пуском. Уже фыркает один мотор, другой... И погода тихая, хорошая... Иногда налетает небольшой ветер, баллов так на восемь, но разве это в Арктике плохая погода?!

— Пора раз и навсегда усвоить,— говорит Чухновский,— что мощные самолеты могут ходить в Арктике, как и ледоколы, при всяких условиях...

На это кто-то возражает:

— А если видимость пропадет?

— А если видимость пропадает для корабля, если корабль встречает шторм, разве ему не грозит опасность в Арктике? Еще большая, чем мощному самолету.

Но перед вечером, в эту тихую погоду, сов-

сем неожиданно и незаметно, ни с того, ни с сего, „Красин“, так твердо стоявший во льду, пошел левым бортом вперед. Корма вдруг оказалась в воде, а за нами ведь на многие мили был лед. Стало ломать лед и у бортов. На льду с правого борта чинятся аэросани, с левого — стоят два самолета. Разбросано много груза, приготовленного для отправки в становище.

Первая команда, раздавшаяся с палубы:

— Все на борт!

И лед опустел. Но люди видят, что под самолетами ломается лед. Глыбы льда плывут мимо корабля к выходу из залива. Вода подбирается к самолетам.

Чухновский мечется по палубе. Марк Иванович с непокрытой головой, капитан Легздин, выскочивший, не одеваясь, прямо из каюты, совещаются у трапа... Трещат мостки, прижимаемые ледоколом. Вот-вот ледокол прикончит самолеты. И так они наполовину в воде, а ледокол, прижимаемый льдом, идет бортом на них.

Тогда раздалась другая команда:

— Все на лед! Спасать самолеты!

Люди с канатами бросились по трапу. Под трапом — вода. По воде плывут льдины. Люди по льдинам перебираются на ледяное поле, заливаемое водой, хлынувшей из трещин. Канатами обматывают шаси самолетов. Две шеренги людей тянут большой „ЮГЕ“ подальше от опасного места, под защиту далекого выступа. Теперь только чувствуешь, как далеко ушла техника авиостроения. Тяжелую машину восемьдесят человек с трудом сдвинули с места, а три мотора гонят ее по воздуху со скоростью свыше двухсот километров в час.

Тянем и тянем,—конца не видно трудному пути. Все дышат, как запаленные кони, бледны, шатаются от усталости. Но никто не говорит об отдыхе, о передышке, никто не предлагает „перекурить“. Сзади догоняет сжатие, сзади хлещет вода. С грохотом рухнули мостки.

И никто не думает о том, что на ледокол нельзя вернуться. Он отрезан все расширяющейся полосой воды. Что будет, если и у берега сломает лед? Тогда — ни в становище, ни к ледоколу. Тогда вынесет со льдом из залива,

и в ватничках, без провизии и топлива,— конец придет раньше, чем растает или остановится льдина.

„Самолеты — материальная часть авиации, ценность республики"... и люди задыхаются в непосильной работе.

Николай Павлович Кусков ободряюще кричит:

— Нажали!.. Ну, нажали еще раз!..

Когда торосы непреодолимым препятствием преградили путь, из последних сил взяли разгон. Неповоротливый на льду „ЮГЕ" одолел двухметровые льдины.

Наконец, спасительный голос Чухновского:

— Здесь, я думаю, безопасно... Уводить далеко от ледокола нельзя...

У ледокола появляется фигурка. Она машет руками. Все вспоминают, что с правого борта остались аэросани. Спасли ли их?

Откуда взялись силы? Не отдышавшись, люди несутся галопом по торосам.

Аэросани наполовину затонули. Между ними и „Красиным" — вода. Но третий механик Висбах — красный партизан, плавающий на

„Красине“ десять лет — и водитель саней Коростылев стараются поддеть сани на крючок троссa. Это не удается: они делают на конце троссa петлю, продевают ее под аэросани и кричат:

— Вира! Вира! Тяни!

Скрипит лебедка крана. Тросс наматывается на ролик хобота, сани подымаются из воды. Они в воздухе. Перекос! И сани грузно шлепаются в воду. Люди кидаются на битый лед, хватаются за сани, не дают пойти ко дну. А лед напирает на борт, давит.

Во второй раз Висбах и Коростылев подводят петлю. Перекоса нет. Кран вырывает сани из битого льда, они подымаются, но... На них нет полозьев...

— Скисли полозья...— говорит кто-то из команды.

Становится очень тихо, только Коростылев недоуменно разводит руками:

— Что же теперь делать? Ведь в полозьях все дело. Эх, чорт возьми его совсем!

С палубы кричат:

— Отойдите от борта! От борта отойдите!

Три коротких гудка. Сейчас ледокол тронется. Ради экономии угля, машины были в двухчасовой готовности. А вот через двадцать минут дан пар. Мы бежим от борта. Ледокол идет вперед, врубаясь в нетронутый лед. Теперь можно подняться на палубу,—трап больше не висит над водой, под ним снова лед. Чтобы взобраться на площадку трапа, приходится, однако, проделать ряд гимнастических упражнений.

Палуба завалена обломками бревен и досок. Боцман и палубная вахта успели спасти обломки. Всех мучает забота. „Как же теперь поднять „ЮГЕ“? Чухновский, точно читая в головах, успокаивает:

— Бревна есть запасные, а доски еще можно использовать. Придется реже прибивать...

Ночью, как диковинный птеродактиль, спит на льду „ЮГЕ“. Прожектор окружил его заботливым сиянием. Дежурят Виктор Косухин и Николай Жуков. Им отправили примус, винтовки, консервы. Хоть и близко, но никакой гарантии нет, что они с самолетом не очутятся

в море на пловучей льдине. На всякий случай меры приняты.

Ветер начинает выть, стучаться в борта. Снег летит тяжелыми хлопьями, и сверкают эти хлопья в луче прожектора, словно золотые тропические бабочки.

Всю ночь хлопает дверь вестибюля. То тот, то другой просыпается — не спится народу — и, накинув что-нибудь на плечи, потихоньку выходит на палубу, посмотреть, все ли благополучно у „ЮГЕ". Тихо. Кажется слышно, как падают снежинки. И в тишине — на снегу огромным снопом лежит прожекторная луна, а в луне распласталась во весь рост наша металлическая птица.

Под бортом, кажется, еще движутся льдины, плещется освобожденная вода. И страшно становится... А что, если сейчас вот вспыхнет сигнальный факел? Аэрорадист Жуков, придя к самолету на вахту, первым делом обмотал паклей палку и приготовил банку с керосином...

Боишься увидеть вспышку пакли, еще больше боишься проспать тревогу. Прекратилось ли

сжатие льда? Этого никто не знает. Где-то в трехстах — пятистах километрах штормом взбудоражило океан. Покатились валы на восток, уперлись в ледяные поля, разбили, разломали и, обессиленные, ушли под лед. Теперь, сгрудившись подо льдом, валы не имеют выхода и подымают ледяное поле... Мы как на вулкане.

На капитанском мостике расхаживает вахтенный помощник. Он то и дело останавливается у левого борта, опирается на поручни и долго внимательно глядит на освещенный самолет. Николая Павловича Кускова вероятно не меньше нас тревожит судьба „ЮГЕ". Мы — добровольцы, любители, так сказать; формально мы не отвечаем за судьбу „ЮГЕ", но он отвечает за самолет трижды и трижды. Его рука должна заставить выть авральную сирену, он должен поднять людей на ноги и принять первые меры, если вспыхнет над самолетом факел тревоги.

Ночь видна еще на горизонте, а на палубе весь народ. „ЮГЕ" посерел и нет больше под ним золотого круга. Снег завалил его по грудь,

он не кажется больше живой птицей, отдыхающей перед полетом в неведомые края.

Яркие лучи солнца смывают линючую тьму. Авральный сигнал подымает людей.

Откапываем самолет, связываем и тянем к борту. Сегодня летчики летят. Вот сейчас Михаил Иванович даст пар, растает лед в радиаторах, освободятся трубки, и жизнь заиграет в цилиндрах; грузная машина взмоет, как ласточка.

По свежему снегу тащить труднее, чем вчера. Ледокол выделяется на горизонте четко, во всех деталях.

Осталось не больше сотни метров. Но навстречу несутся крики, бегут люди:

— Назад! Назад! Полундра! Ломает! Ломает!

Бегом — полукруг, бегом — на прежнее место. Ледекол снова на чистой воде, вдогонку бегут трещины, хлещет бешеная вода.

Вжжжжжжж, бжжжжжж, бу-жжжжжжж...

— Отойдите от борта, от борта-а-а-а-а!..

Треск, грохот... Лед, точно фарфор, лопается сразу в сотне мест. Бежим с самолетом дальше

от ледокола. „Красин“ врезывается в лед, — идет за нами.

Тащить или не тащить?

Лед может проломиться под самолетом и вдали от ледокола и у самого борта. Для пуска нужно время. Даст ли Арктика передышку?..

Проходит час, ползет другой. Люди приняты на борт, грузы заброшены в становище. Если бы не „ЮГЕ“, мы бы ушли из этой негостеприимной гавани.

Из становища приходит последний сезонник. Ходил за топором.

— Не оставлять же добро на ледяном острове?!

— К самолету!

— Есть, к самолету!

Николай Павлович Кусков мало спал. Но он, как всегда, свеж и бодр, — успел побриться, принял холодную ванну, побегал на лыжах... Ни одной морщинки на лице, только глаза красноваты. Он первый берется за конец. Арсений Николаевич Стефанович возглавляет другую колонну бурлаков — самолет ползет к борту.

На этот раз лед терпеливее. Пока отогревают моторы, замерзают люди. Летчики делают свое дело, но пальцы у них давно не гнутся и не хотят держать инструмент.

Начальник экспедиции больше не подчиняется стихиям. Пока летчики готовят к полету „ЮГЕ“, мы строим из остатков мостков новые. Маленький „У2“ давно занял свое место на палубе.

Два пропеллера „ЮГЕ“ уже огрызаются, скоро заработает третий мотор. Ему делают искусственное дыхание, бесконечно дергают винт. Малейшая неосторожность заводящего —и убьет винтом. Летчики заводят мотор коллективно— тянут друг друга за руку и быстро выдергивают из-под винта заводящего.

Маленький Том старается так, что кажется, будто он сам выдергивает из-под винта всех четырех геркулесов.

Но сжатие продолжается. Под трапом снова вода и к самолету не попасть. Глеб Косухин и Проворихин застревают на площадке трапа с полными горячей водой ведрами. С палубы спускают шторм-трапы; мы спешим оттянуть самолет подальше от борта.

Сколько же может тянуться такая музыка?

Капитан прижимает к губам рупор:

— Отойдите от борта-а-а-а!

Ледокол идет, подтягивая за собой новые мостки. Брашпиль, как руку друга, подает тросс; „ЮГЕ“ ползет на палубу.

8

МЫС ЖЕЛАНИЯ

Поморы назвали его „Доходы".

Это название подчеркивает трудность плавания к мысу Желания. Да и официальное название — „мыс Желания" свидетельствует о том же. Седов доходил до мыса Желания на собаках из Русской гавани, где он зимовал в 1913—1914 годах.

Древняя могила Баренца находится по соседству, на мысу Ледяном. Почему трудно итти к мысу Желания?

Еще Баренц наблюдал у северной оконечности массы полярного пака — старого льда, кочующего из Баренцова моря в Карское и

обратно. Этим льдом погублены многие суда, в том числе и карабль Баренца. Фритиоф Нансен первый решил не бороться со льдами, а использовать их дрейф. Из моря Лаптевых его „Фрам“ был вынесен дрейфующим льдом к северу от Новой Земли. Землю Франца Иосифа он обогнул с востока и приблизился к полюсу на дистанцию, обычно недоступную для кораблей. Увидев, что течение поворачивает на юго-запад, Нансен с членом экспедиции Иогансеном предпринял исключительно смелую попытку достичь полюса на собаках.

Вскоре Нансен понял, что лед движется в обратную сторону. Он пытался пройти к полюсу еще ближе, но убедившись в бесполезности этих попыток, решил итти назад. Впереди был лед, пересекаемый разводьями, где-то далеко в этом льду лежали острова Франца Иосифа, и западнее, — Шпицбергеновская группа.

Нансен и Иогансен шли пешком по замерзшему морю около семи месяцев. Зимовали на Франце-Иосифе, съели своих собак, потом кормились от охотничьего промысла.

Экспедицией Джексона они были возвращены на родину. Почти одновременно вернулся и „Фрам". Ему удалось освободиться от ледяного дрейфа уже в Гольфштреме, едва ли не у норвежских берегов.

Очевидно это или подобное течение захватывает краем и север Новой Земли. Итти к мысу Желания, значило итти навстречу дрейфующему мощному карскому льду. Вот почему, уходя из Русской гавани, руководство экспедицией точно не знало пойдет ли „Красин" на север, на юг, или на юго-запад — домой. В это время года никто еще здесь не взламывал льда.

Но на „Красине" от клотика до трюма — соцсоревнование. На „Красине" люди, не знающие слов „нет" „невозможно"... Если кто-нибудь должен проложить зимний путь к мысу Желания, то почему не мы?! На любом иностранном судне команда вправе сказать: „не пойдем"! Ибо ради каких интересов они стали бы рисковать?

На „Красине" плывут хозяева, отвечающие перед большим хозяином — своим классом — за порученное партией дело.

Угля осталось меньше половины. Это значит, что ответственность повышается во много раз.

Миша Зыбин был впереди по соцсоревнованию и конкурсу кочегаров.

После вахты он сбегал на мостик, к Марку Ивановичу Шевелеву. Они спустились к капитану. Вскоре в каюту позвали старшего механика Денисова.

— Знаете? Я сам не верил... Без соцсоревнования угля определенно не хватило бы, теперь, пожалуй, хватит... Если, конечно, не влезем в какую-нибудь историю... — осторожно добавил Денисов.

А „Красин" тем временем подымался к северу, вдоль западного берега острова.

— Где самолет? Когда придет самолет? — Это радио с мыса Желания.

Понятное нетерпение. Срывается рабочий год на станции Русской гавани.

Только мы можем вернуть станции ее научное ядро. Да и не позволим мы продажной капиталистической прессе кричать на весь мир о нашей неудаче!

Итак, решено: идем, пока можно. А там,

может быть, опять самолет... Может быть подойдем настолько близко, что и маленький „У2“ по одному перетащит нетерпеливых ученых.

* * *

22 февраля 1933 года Ермолаев, Велькен и моторист Петерсен отправились на маленьких открытых аэросанях из Русской гавани на мыс Желания. Цель: исследовать вечный лед Центрального глетчера.

Сани были хорошо испытаны на рейсах поперек острова. Пока варился суп, они успевали съездить к Карскому морю и возвращались к обеду. Триста километров до мыса Желания они рассчитывали пройти в один день.

Сани мчались по льду, как в фантастическом романе. Мелькали ледяные глыбы, потрескавшиеся от мороза скалы... Сани перепрыгивали трещины, пролетали над пропастями. Все шло хорошо.

Было условлено, что с мыса Желания путешественики по радио известят товарищей о прибытии. Если радиограммы не будет, придется Яше Ардееву — единственному человеку,

знающему условия езды по леднику Новой Земли — итти на собаках по их следу.

Мотор гудит, и пропеллер гонит все вперед и вперед, — половина пути за спиной. И вдруг мотор поперхнулся, закашлял и подавился. Неполадка... Простое в обычных условиях слово на вершине Центрального ледника приобрело трагический смысл.

Неполадку они исправили через полчаса. Дали газ... Мотор работает во всю, а сани — ни с места. Лыжи примерзли. Не время было упрекать себя. Ведь достаточно было затянуть сани на брезент, на кожаную куртку, наконец, чтобы предохранить их от примерзания. Этого не сделали по неопытности. А теперь, во что бы то ни стало, нужно двинуться вперед или назад.

Ногтями пытались отодрать полозья. На третий день в бесплодных попытках истощился бензин. Сани мертвы.

Оставалось ждать прихода Яши Ардеева. Путь, пройденный санями в несколько часов, он будет итти дни, может быть недели...

Они терпеливо ждали. И не могли они знать,

что в это время Яша Ардеев лежит без сознания под крутым обрывом, с которого свалился вместе с собаками во время мятели.

Яша отлежался в глубоком и мягком снегу. Нащупал и поднял уцелевших собак и кое-как с их помощью добрался до Русской гавани.

А наши путешественники, растянув трехдневные запасы продовольствия на десять дней, на одиннадцатый решили пешком итти к мысу Желания.

Это был невероятный, невозможный поход...

Три человека шли по льду, над горами, над морем. Они карабкались на ледяные уступы, на веревках спускали друг друга с обрывов.

Ветер резал лицо, обмораживал. Согреться нечем. Пищи нет. Нужно пройти полторы сотни километров. Они знают, что на этом пути никого не встретят. Никто не поможет, никто не найдет. Они должны рассчитывать только на себя.

Они идут день, ночь проводят на льду. Отдых сокращают до трех часов.

Второй день они двигаются в том же направлении. А Ермолаев умудряется еще с помощью

карманных приборов определять высоту гор, расстояние между пунктами, ширину и длину заливов. Нет шагомера, Ермолаев считает шаги. От этого только веселей итти. Маленький человек этот, такой нежный, такой нервный, обладает крепкой, как арктический мороз, волей. Его белое лицо с тонкой женской кожей потрескалось. Маленькие музыкальные руки покрылись струпьями. Но шагает он, как по Невскому, и шутками старается ободрить спутников.

И Петерсен держится прекрасно, как и должен держаться бывший красноармеец. Но доктор Велькен — здоровяк, спортсмен — замедляет шаги, хромает, отстает... Он болен, он не может итти.

Не итти,— значит погибнуть.

— Вставайте, доктор Курт Велькен! Идем! Надо итти, доктор! Волен зи лебен? Битте, комен зи мит!

Но доктор Велькен просит товарищей оставить его на льду.

— Доктор, вы забываете, что вы в СССР! У нас товарищей не бросают. Мы вместе выступили, вместе придем на мыс Желания.

И, потом, не видно причин, из-за которых вы должны навсегда остаться здесь... Ничего ведь особенного! Через два, три дня все будет прекрасно...

— Ох, нет... — Доктор Велькен не может итти. Доктор Велькен решил остаться тут, на месте, где его свалила болезнь.

Тогда они взяли его под руки, поставили, повели...

... Ясно до абсурда, что нельзя оставлять Велькена на леднике. Первый шторм, и от Велькена не останется и следа. Если же он и уцелеет, то как найти его? Разве известно, что впереди? Разве есть карты ледника? Лед движется, на нем то и дело воникают холмы, трещины, ширина ледника больше ста километров.

Пустынный залив на западе, с изрезанными берегами, весь в бахроме морен и рифов, почему-то получил название „Красивого". Залив виден с ледника. До него километров тридцать. Каждый новоземелец знает, где находится залив „Красивый". На каждой карте острова он ясно отмечен.

Если уж оставлять Велькена, то лучше на берегу залива, чем на льду глетчера.

Как они добрались до залива, сколько мучений перенесли, об этом они молчат. Но факт остается фактом. Они доставили Велькена на берег залива, вырыли в снегу под скалой яму, доктор лег, его накрыли единственным одеялом и простились:

— Пока...

Чем меньше оставалось сил, тем быстрей они двигались.

Утром они увидели впереди, слева и справа бесконечное ледяное поле, земля поворачивала на восток. В тот же день, идя вдоль берега, они пришли к станции на мысе Желания.

У Ермолаева хватило выдержки спокойно рассказать, что нужно немедленно итти в залив Красивый, там на берегу — шест, под шестом — одеяло, под одеялом замечательный человек — немецкий ученый доктор Велькен.

... Сказал и... заснул на стуле. Петерсен захрапел еще раньше.

На мысе Желания собак нет. Метеорологи Латковский и Карамян, моторист Сафронов

и плотник Лазарев в тот же день пошли пешком в залив Красивый. Оружие, пищу, запасную одежду и примус они везли на ручных санках.

Ермолаев не успел предупредить их о трещинах. А трещины эти, присыпанные снегом, совершенно незаметны. И в одну из них провалился плотник Лазарев. На его счастье, малица зацепилась за ледяной выступ. Так висел он над бездной, пока товарищи не помогли ему выбраться. Пришлось итти медленней, щупать дорогу шестами.

К вечеру полозья санок истерлись об лед, сани бросили и разделили груз между собой. На третий день они спускались с ледника в залив Красивый. Первый, кого они увидели, был здоровенный медведь, пытавшийся содрать одеяло с жилища Велькена. Они открыли огонь... Медведь убежал.

Переглядываясь и тяжело вздыхая, они обступили одеяло... Трудно было говорить. Наконец Карамян спросил:

— Доктор Велькен еще здесь?

Из-под одеяла послышалось слабое:

— Алло...

Они сорвали одеяло. Доктор Велькен лежал скрючившись, с синим лицом. Его била лихорадка, зубы дробно стучали. Они попрыгали в яму, вытащили его, раздели, растерли ноги, руки, напоили коньяком, одели в сухие меха, накормили и дали поспать... Потом они победно двинулись в обратный путь. Доктор Велькен был спасен.

* * *

Сжатие льда, едва не закончившееся катастрофой в Русской гавани, на этот раз сослужило нам добрую службу: до самого залива Красивого лед был разбит.

На другой день, утром, на востоке показались горы, окружающие залив Красивый. Шевелев переглядывался с капитаном, а Яков Петрович, то и дело поворачивая ручку машинного телеграфа, приказывал:

— Задний! Полный! Задний, полный!

Прошли мимо залива, подошли к северной оконечности острова, повернули на восток и вдали засветились на солнце ледяные острова принца Оранского. За ними — желанный мыс Желания.

Тут уже — владения Карского льда. Он, действительно, страшен в своей монолитности. За вахту — миля, пол мили ... Но острова принца Оранского были на траверсе борта. Последний из них уже остался позади. Мы берем круто к югу, врезываемся в двухметровый пак и видим в бинокли домик, над ним мачту, сбоку какую-то пристройку.

„Красин“ лезет на лед, подымая нос, потом корму, подымается, опускается. Домишко растет. Теперь это бревенчатый дом. Пристройка оказывается складом ...

А где же люди? Почему нет людей? Неужели никто не видел нас, не слышал нашего призывного гудка?

И только, когда переносишь трубки бинокля ближе и влево, видишь на льду резко очерченные темные фигуры. Они волокут сани, они подходят к полынье ... Мы поворачиваем навстречу.

Нос ледокола крушит торосы. Капитан Легздин кричит в рупор:

— Отойдите от борта! Отойдите от борта!

Донец спешит накрутить кадры.

Встречающие, сначала не понимают в чем дело. Потом бегут от хлынувшей из-под льда воды.

Лохматые и большие, в своем полярном одеянии, они торжественно возвращаются к борту.

„Ура", „ура"! „Ура" „Красину"!

Подымают винтовки. Кто-то, глубоко штатский, с заиндевевшей бородой, в роговых очках, подымает руку и командует:

— Раз, два, три!

Сначала растянутый залп, потом каждый, на свой страх и риск, принимается дырявить небо.

Спущен шторм-трап. Они неуклюже подымаются. Матросы подхватывают, перекидывают их через фальшборт и ставят на палубу. Гости жмут нам руки, улыбаются, смотрят в глаза— не знают, какие руки кому принадлежат.

— Вот не ждали ... Вот не ждали ...

В кают-компании сервируют чай. Пьют, спеша, обжигаясь, и вот уже тринадцать прощаются, жмут нам руки, а трое — Ермолаев, Велькен и Петерсен — остаются с нами.

Капитан не хочет играть в жмурки с Кар-

скими льдами. Гудок. „Красин“ поворачивается к выходу из залива. Домик уменьшается, тает берег.

Теперь можно и отдохнуть. Решаем показать кинокартину. Передвижку мы с Донцом взяли в Мурманске. Но, увы! — у нас в жестяном ящике американская картина-„боевик“—„В старой долине“.

Какой-то старик при романтических обстоятельствах встречается со своей дочерью. Коварный искуситель похитил у этого старика много лет тому назад дочь и жену. К этому какая-то тайна. Искуситель возвращается в родные края, чтобы вырвать у старика тайну вместе с жизнью, Влюбленный в дочь старика юноша, несколько наемных убийц, лошади, ковбойские шляпы, сад, изображающий собой американские леса, револьверы, лассо и прочее, прочее, прочее...

Разве можно показывать такую дребедень настоящим героям?!

И мы решаем омолодить „Старую долину“. Американский боевик идет от конца к началу. Начинаем мы с конца восьмой части и крутим картину к началу первой. Отныне нет негод-

ных картин. Любая макулатура по нашему способу, без всяких затрат, превращается в веселую, бодрую комедию.

Задушенный старик вдруг подымается и подходит к окну. Искуситель пятится от дома и прячет нож. Лошади мчатся бешеным карьером, но всегда хвостом в лес, мордой к зрителю. Шляпы прилетают откуда-то издалека и мягко усаживаются на головы ковбоев. Дымок от выстрела появляется раньше, чем стреляющий подымает револьвер.

Хохот стоит в кают-компании, и доктор Вельккен, поблескивая влажными голубыми глазами, смеется больше всех.

А ночь окружает ледокол призрачными тенями. Омоложенную „Долину“ сменяет картина, заснятая Донцом в Ленинграде и у Кронштадта — первые дни нашего похода. Мы смотрим ее дважды — один раз всерьез, второй раз по примеру „Долины“, с конца к началу.

Матюша Козлов и Борис Григорьевич Чухновский громко хохочут. Еще бы! Не смешно разве видеть, как самолеты кружат хвостом вперед?

И разве может не смеяться капитан Легздин, когда он видит свой ледокол, получающий с неба заряд дыма?

А матросы? Они видят себя на авральной работе по погрузке самолетов, пятящимися перед трудностями. О, это невозможно, несерьезно и потому очень смешно...

Мы поздно расходимся по кубрикам и каютам.

Красинские машины отличаются исключительно тихим и мягким ходом. О движении по воде всегда напоминает качка. О движении по мощному льду напоминает грохот льда, о движении по мягкому льду ничего не напоминает. И, забыв о мысе Желания, мы спокойно засыпаем.

А утром выясняется, что ледокол стоит семь часов во льду. Ни задний, ни передний — не помогают... Уже оперировали балластными цистернами. Накачивали носовые, кормовые, бортовые... Лед выдержал вес „Красина" с добавочной нагрузкой.

Отметились: координаты — 77,30 северной широты... Значит, нас несет по пути погибших

кораблей. За семь часов прошли двенадцать миль к северу.

Угля в обрез. И необходимо доставить в Русскую гавань Ермолаева, Велькена и Петерсена. А там еще Крестовая губа, Матшар и оттуда только Мурманск.

Крупицы угля теперь дороже алмазов.

Подрывник Гордеев — осоавиахимовец — спускается на лед.

Он проверяет свой зажигатель на отдельных капсулях. Заряд аммонала спущен под лед, на глубину 10 метров. Лед и вода грузно ударяют в дно ледокола.

Машины работают полным ходом. Мы сползаем на кормовую полынью.

„Красин" разворачивается, идем на запад.

Стоя на палубе, перед окном рулевой рубки, капитан показывает штурвальному, куда направлять ледокол.

Курсы, румбы ... — теперь они ни к чему. В сплошном старом льду капитан находит спайки молодого льда.

К полудню мы огибаем остров и начинаем спуск к югу.

9

УРАГАН В КРЕСТОВОЙ

И вот мы снова в Русской гавани.

Наши гости уехали в становище. За ними умчались с добавочным грузом каюры. Доктор Велькен прислал с ними записочку, было написано по-немецки:

> Я сердечно благодарен за всю помощь, за бескорыстное гостеприимство. Я очень счастлив успехом „Красина", который помог мне скоро вернуться „домой", в Русскую гавань, где я с новыми силами примусь за работу. Пользуясь случаем, приношу благодарность товарищам по экспедиции Ермолаеву и Петерсену, которые во всех трудных условиях относились ко мне с неизменным вниманием. Также благодарю спасательную группу мыса Жела-

ния, которая пришла мне на помощь в такой короткий срок и спасла мне жизнь.

Доктор Курт Велькен.

Это лучший ответ немецким фашистам, сжигающим книги наших вождей, лучших писателей мира и гноящих в тюрьмах коммунистов. Когда это приветствие было помещено в стенной газете „Красинец", кто-то из матросов сказал:

— Не придется теперь доктору Велькену вернуться домой.

На это другой ответил:

— Пусть себе живет у нас. Парень хороший, пригодится...

Второе приветствие было получено за подписью трех:

Экспедиционная группа Русской гавани благодарит советскую общественность, руководителей и участников беспримерного в истории Арктики похода „Красина" за оказанную помощь.

Заверяем, что все наши силы направлены на выполнение задачи, поставленной перед нами партией, правительством и Комитетом Второго Международного Полярного Года.

А. Ермолаев, К. Велькен, В. Петерсен.

Не задерживаясь, мы вышли на юг, в Крестовую губу. Здесь нам дано было испытать все прелести полярного урагана.

Синоптик Гальцов еще с вечера предупредил, что надвигается буря.

Он долго объяснял, где проходит гребень, как движется циклон, антициклон... Мы впутались в нехорошую историю, врезались в центр плацдарма бурь.

С утра задул сильный ветер до восьми баллов. Но угля оставалось мало, медлить мы не могли, и каюры уехали с первой партией груза.

Вернулись они через четыре часа. У всех лица были посечены ветром.

К обеду сила ветра достигла двенадцати баллов — 32 метра в секунду. Потом ветер свирепел, но уже не хватило баллов, чтобы выразить его силу.

К двум часам ветер перешел на восток. Скорость поднялась до тридцати восьми метров в секунду. При таком ветре, развивая всю силу моторов, самолет стоял бы на месте. Ветер громит палубные постройки, гудит в такелаже, звенит в троссах. Все заснежено,

все леденеет. На палубу не сунуться. Внутри ледокола все дрожит.

Так проходит час, другой, третий: ветер крепчает и крепчает... Мы стоим плотно во льду. Лед надежен.

Второй помощник капитана, Павел Иванович Афанасьев, по должности судового ревизора, отвечает за продукты. Он решил спасти махорку. Видя, что человек с Большой Земли ползет по трапу, каюры решили, что они, новоземельцы, и подавно могут спасти свои сани. Они поползли за Афанасьевым.

Степан Парфенович Шилин—третий помощник капитана—и старший помощник Михаил Никандрович Прокофьев находились на мостике, готовом улететь вместе с ними. Они видели, как спустились люди, но скоро потеряли их из виду. В это время ледокол вырвало изо льда. Еще до прихода капитана они дали телеграфный сигнал:

— Полный вперед!—и стали ждать.

Судьба ледокола и находящихся на нем ста пятидесяти человек зависела от машинного отделения. Машины находились в обыч-

ной двухчасовой готовности. Ибо чем длиннее срок готовности, тем меньше расход топлива. А у нас, чем меньше оставалось угля, тем хуже было его качество. В Мурманске сначала ведь грузили не „Ф“, а „ПЖ“.

Что же раньше: сядет ли ледокол на камни или десять тысяч сил двинут его вперед, в лед?

Конкурс кочегаров был в разгаре. На вахте как раз был Миша Зыбин. Через десять минут ледокол мощно двинулся в лоб урагану.

Теперь вспомнили о людях. Ничего не видно, никого не слышно... Где они? Успели ли бежать с разбитого льда? Успели ли на четвереньках отползти с пути корабля, или унесло их ветром?

Ледокол идет полным ходом, пробиваясь сквозь ураган как раз к тому месту, где остались люди. Если они еще живы, но не успели бежать, ледокол их потопит.

Белые тени несутся мимо с бешеной быстротой. Белые тени кружатся над ледоколом, высвистывая дикую музыку бури. Они идут сплошными толпами, они закрывают горизонты: они пляшут, появляясь и исчезая, на носу

„Красина“. Иногда они вплотную надвигаются на глаза...

И в этом хаосе, вдруг — голос человека:

— По-о-дайте ко-о-нец! По-о-дайте ко-о-нец...— С правого борта.

На плывущей мимо льдине, кто-то четвероногий кричит:

— Ко-о-нец... Ко-о-нец!..

Веревка падает с борта, ветер относит конец чуть ли не к верхушке трубы.

Падает другая с грузом на конце. Четвероногое существо хватается за веревку. Мы тянем ее, и перед нами возникает фигура второго помощника капитана — Павла Ивановича Афанасьева.

— Пропала махорка!—кричит он, чуть дыша.

Его ведут в кают-компанию, и он раньше всего выпивает свои, честно заработанные и необходимые, шестьдесят грамм спирта.

Первая льдина ударила в нос, как бомба. Второй удар, третий. „Красин“ громит ледяное поле. Льдины бьются в борта.

Две-три минуты проходят спокойно. Затем ветер выносит подрубленные льдины, и ледокол

снова болтается на чистой воде. Телеграфно: „полный“!

„Красин“ опять врубается в лед, а через две минуты снова чистая вода.

Так проходит остаток дня, вечер, ночь... В двенадцать часов рассвет заглядывает в иллюминаторы, точно спрашивает:

— Живы еще здесь?

Ему отвечает траурным маршем Бетховена Борис Григорьевич Чухновский. И всем становится весело. Своим траурным маршем Борис Григорьевич всегда достигал обратного, как мы со „Старой долиной“.

В сплошном движении ветра учащаются перерывы, провалы. Приходят и тихие минутки. В три часа утра наш уважаемый, молодейший синоптик заявляет:

— Десять баллов!

Это похоже на норму. В четыре:

— Восемь баллов!

О, это совсем тихая погода. Нас больше не выбрасывает из ледяного поля. Ледокол переходит на двухчасовую готовность, ибо

синоптик уверяет, что циклон промчался на запад и не повернет против себя.

Брат Сереги Журавлева — Ванятка, случайно оставшийся на борту, уходит в рассветный белесый мрак на своих собаках.

За ночь мы продвинулись вперед километров на шесть. До становища остается двенадцать километров. Ванятка должен вернуться часа через три, четыре.

В восемь часов утра он доставил на борт четырех каюров. Они крепко спали, когда Ванятка привез в становище тревожный вопрос:

— Наши не приходили?

— Как пройдешь. Если ветер бьет по морде, трудно пройти. Однако, пропасть нам еще трудней. Мы сразу разобрали, что вы пойдете на нас. Да и понесло нас в море. Значит — айда, в становище. Километров с пять на всех четырех шли... Руки маленько ободрали, малость приморозили, потом, когда под тот вон мысок вылезли, давай на ноги и бегом через косу. Напрямок и вышли... Чаю попили и завалились спать...

Через час Орлов — начснаб и Корионов —

представитель Севкрайисполкома идут на берег. Нужно найти место для склада. Они подали с берега сигнал. Мы тащим на шести санях четыре тонны груза.

Четыре ходки по четыре километра в один конец каждая; сделали тридцать два километра, из них шестнадцать с грузом. Вечером уходили из Крестовой губы.

Полный ход на запад, потом вдоль берега, на юг, в Маточкин Шар, становище Лагерное.

10

МАТОЧКИН ШАР — МУРМАНСК

В 1769 году штурман Розмыслов, посланный архангельским купцом Барминым для исследования богатств острова, несколько раз проходил на своей кочмаре мимо Матшара, но не мог найти входа.

Существование его точно было установлено в начале XIX века капитаном Литке, плававшим к Новой Земле четыре года подряд. До экспедиции Литке пролив то появлялся на картах, то исчезал. Все потому, что не каждая экспедиция находила вход в Матшар.

Западный выход забит рифами, мелями, банками. Нужно хорошо знать фарватер, чтобы

войти в пролив. Восточный чаще всего забит льдом.

На побережьи Новой Земли еще нет световых знаков: мигалок, маяков, светофоров. До последнего времени не было и трангуляционных набросов. Определялись по крестам, поставленным погибшими и спасенными, по отдельным скалам и развалинам редких избушек.

Советские научные экспедиции на „Персее", на „Эльдинге" каждый раз устанавливают на этапных точках высокие пирамидальные знаки из бревен. Такие пирамиды стоят при входе в Русскую гавань, на мысе Желания, в Архангельской, Крестовой и т. д.

До похода „Красина" вопрос о световых сигналах не ставился. В них не было надобности потому, что в навигацию солнце светит круглые сутки, зимой же к Новой Земле суда не ходят.

Поход Краснознаменного ледокола показал, что опытная и хорошо спаянная команда, проникнутая сознанием социалистического долга, может провести судно ледокольного типа к острову и зимой. Естественно, что с этого

момента вопрос об организации световых сигналов у берегов Новой Земли станет в порядок дня.

Мы подходили к проливу в зимний пасмурный день, когда ни о каких мигалках или маяках речи не было. Однообразный гористый берег: никакого пролива не видно. Заливы, заливчики... И устье пролива казалось как раз наиболее коротким заливом.

Капитан Легздин не уходил с мостика, не отрывал глаз от бинокля. Доктор Чечулин сидел в бочке, а Адам Петрович Рундан тянул свою музыку:

— Вот когда мы были тут на „Ломоносове“ — эх, и хорошее же судно! — мы шли вон у того берега, там поворот, оттуда виден Черный Камень...

Ледокол шел малым ходом. К счастью, последний ураган порядком растрепал сплошное ледяное поле. Мы выпустили якорь на уровень несколько ниже нашей осадки. Раньше, чем ледокол наткнется на скалу, якорь предупредит об опасности.

Увидев Черный Камень, а за ним опозна-

вательный знак, выбрали якорь, пошли увереннеи. Через час снова вошли в лед. Снова старая песня:

— Полный вперед!

— Задний!

— Вперед!

Уже в сумерках, среди луд и скал, на берегу возникает горбатая избушка. Это больница, построенная здесь в качестве первого здания будущего города.

Низкий бас „Красина“ долго потрясал окрестности. Через полчаса мы принимали в кают-компании доктора Кузнецова и научных работников Агаджанова и Дубровского. Ту ночь я провел на берегу в бесконечных разговорах с доктором, с больными, с научными работниками, а утром, по старой памяти, впрягся в сани с продовольствием. Хоть и близко, а по торосам тащить было трудно. Последняя партия возвращалась в темноте, когда из-за тумана, нанесенного от чистой воды, не было видно огней „Красина“. В один день забросили все продовольствие и запасы. Утром подняли пары и ушли из пролива.

Долго стояли на берегу Анисимов, Старцев и Морозов, долго кричали:

— Да здравствует Краснознаменная команда „Красина“!

— Передайте привет „Большой Земле“!

— Ура „Красину“!

Потом их фигурки растаяли в мареве полярного утра. Мы пошли ломать лед, отделяющий нас от Мурманска.

Спустя четыре дня, нас встречали представители советских и партийных организаций Мурманска. Нам устроили банкет, на котором все мы поочередно летали над столами, под звуки парадного туша. И представитель окружного исполнительного комитета говорил:

— Товарищи! Мы не привыкли удивляться. Вся наша страна, вся наша работа — удивительны. Не обижайтесь, если мы встретили вас без особого удивления. Это потому, что мы привыкли к победам. Ваш поход вписывает еще одну героическую страничку в историю работы большевиков над перестройкой земного шара. Да здравствует Краснознаменная команда!

Отвечали и руководители, и представители

команды, и даже судовой кок не преминул взять слово. Он говорил о героизме, увязывая этот вопрос с вкусовыми свойствами морских обедов и привередливостью некоторых матросов.

Шестнадцатого апреля мы получили высшее выражение социального признания—единственной ценности, на которую вправе претендовать все честные строители социализма—телеграмму наших любимых вождей:

Мурманск, ледокол „Красин",
Начальнику экспедиции Шевелеву.
Капитану товарищу Легздину.

Задание правительства по оказанию помощи зимовщикам и промышленникам на Новой Земле, несмотря на тяжелые ледовые условия, выполнено вами раньше установленного срока, что свидетельствует о большевистской энергии и настойчивости моряков „Красина" и его летного состава. Поздравляем участников экспедиции с успешным завершением ответственного ледового похода. Входим в ЦИК Союза ССР с ходатайством о награждении.

Сталин, Молотов,
Ворошилов, Янсон.

Харьков.
Май — август 1933 г.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. Н. Добролюбова

ОГЛАВЛЕНИЕ

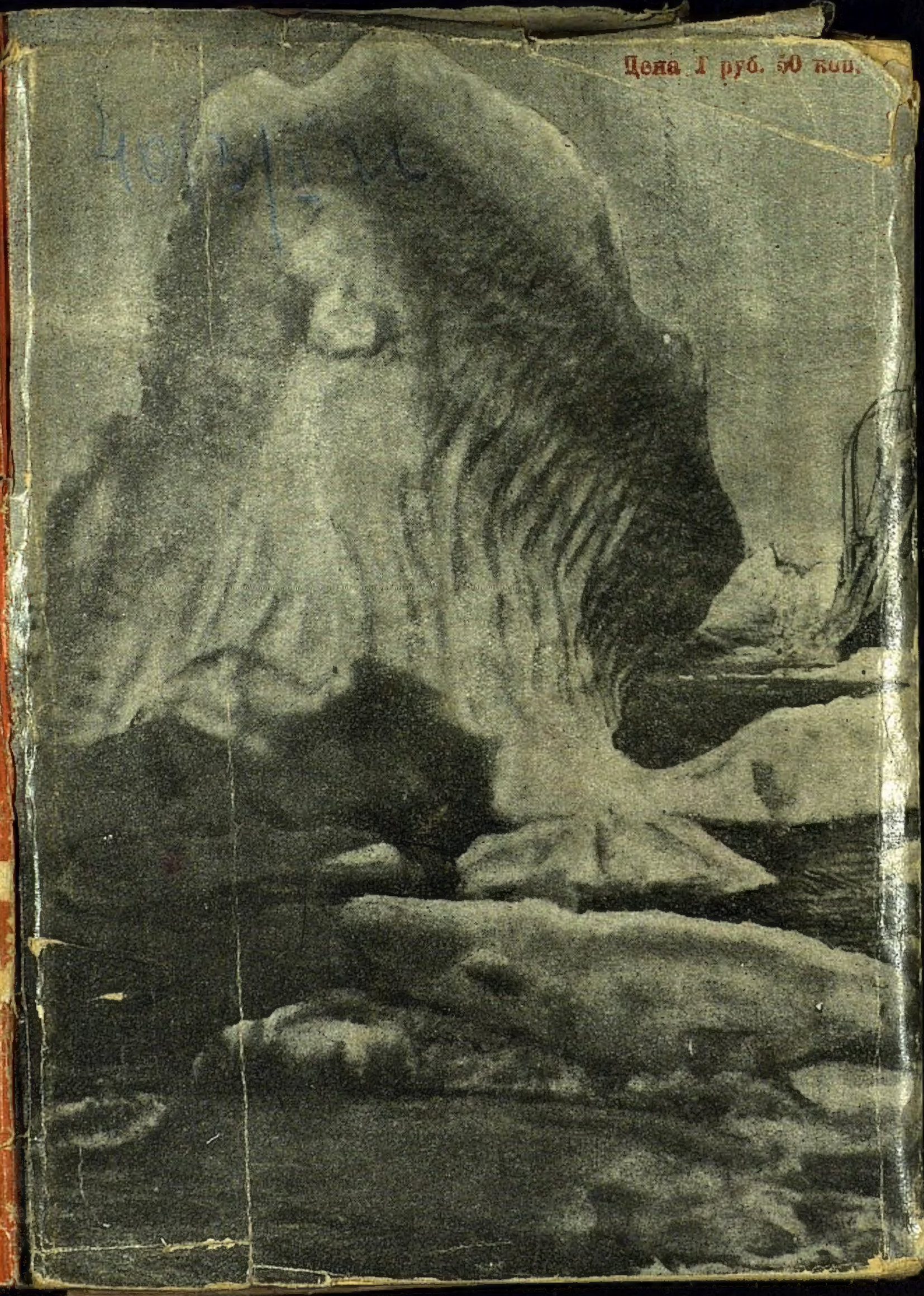
	Стр.
На помощь	7
Полярный город Мурманск	16
Во льды. Кильдин. Териберка. Огонь по носу	55
Тысяча сто километров на собаках	97
Фетин „загнулся". Аэросани — аэросами . .	124
Архангельская губа. Аэроизвозчик исчез . .	139
Руская гавань. Первый медведь замучен. Сжатие льда	152
Мыс Желания	173
Ураган в Крестовой	191
Маточкин Шар — Мурманск	200

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюб

Типография им. М. В. Фрунзе.
Харьков, Донец-Захаржевская, 6.
Уполномоченный Главлита 3712.
Зак. 965. Тир. 15.000. 6½ печ. лист. Издание 374. Бумага ф. 62 × 94—51 кг. 3¼ бумажн. листа. 1 бум. лист 69.000 знак. Сдано в набор 21-VIII-35 г. Подписано к печати 26-X-35 г.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строки	Напечатано	Должно быть
10	2 снизу	Гуч	Гуг
77	—	—	Строка отточий должна быть на строку ниже
81	13 сверху	в момент,	в те дні,
85	6 снизу	такими,	такие,
108	11 „	на всех собак,	на всех собаках,
157	8 сверху	калоши	калоша
160	7 снизу	готов к полету и только	готов к полету и двинется только

Типография им. М. В. Фрунзе.
Харьков, Донец-Захаржевская, 6.
Уполномоченый Главлита 3712.
Зак. 965. Тир. 15.000. 6½ печ.
лист. Издание 374. Бумага ф.
62 x 94—51 кг. 3¼ бумажн. листа.
1 бум. лист 69.000 знак. Сдано
в набор 21-VIII-35 г. Подписано
к печати 26-X-35 г.

Цена 1 руб. 50 коп.